

В. Д. Алташина

**БЛЕЗ ПАСКАЛЬ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА:
ОТ «БЫЛИНКИ» ДО «ТРОСТИНКИ»**

Что знаем мы о Паскале? Для современных технарей и компьютерщиков — это скорее известный язык программирования¹, чем создатель счетной машинки — прообраза компьютера, для физиков — наименование единицы измерения давления, для математиков — автор принципа «математического ожидания» — одного из основных понятий теории вероятности, для философов особое значение имеют его рассуждения о двух бесконечностях и ужасающем безмолвии Вселенной, что дает основания видеть в нем одного из предшественников экзистенциализма, для филологов — это его «Мысли», чаще всего воспринимаемые в контексте афористической литературы XVII в., и «Провинциальные письма» — образец блестящей галльской прозы. Найдутся те, кто слышал о «мыслящем тростнике» и о «носе Клеопатры», но вряд ли вспомнят автора этих бессмертных метафор. Русскому читателю скорее припомнится Ф. Тютчев с его «И ропщет мыслящий тростник?», благодаря которому этот образ прочно вошел в русскую литературную, главным образом поэтическую, традицию. Даже более сведущие в лучшем случае вспомнят образ «бездны», «монарха без развлечений» и потрясающее по своей емкости восклицание «Меня ужасает вечное безмолвие этих бесконечных пространств!». Кое-кто, быть может, припомнит «пари Паскаля», но вряд ли сможет объяснить его смысл. На сегодняшний день — это все, что осталось от творений великого

¹ Паскаль (*Pascal*) — язык программирования общего назначения. Один из наиболее известных языков программирования, широко применялся в промышленном программировании, обучении программированию в высшей школе, является базой для ряда других языков. Если набрать «Паскаль» в Интернете, то ссылка на язык программирования из Википедии оказывается в поисковых системах на втором месте после краткой справки о мыслителе.

ученого, но и эта малость свидетельствует о его удивительной многоликости и широте интересов.

Действительно, он одновременно мог работать над основами теории вероятности и интегрального исчисления, активно участвовать в религиозной полемике, размышлять о проблемах человеческого существования, изобретать общественный транспорт, быть акционером при осушении болот в Пуату, писать педагогические трактаты, при этом страдая от тяжелейших болей, не покидавших его с восемнадцатилетнего возраста.

Многообразие его деятельности нашло отражение в самом известном труде — «Мыслях» (1656–1662), над которыми он трудился в последние годы своей краткой жизни (1623–1662). Калейдоскопическая фрагментарность, приведшая в недоумение первых читателей, множество тем и проблем, порой только намеченных, являют нам наиболее достоверный портрет их создателя, опубликовавшего при жизни лишь малую толику своих сочинений.

Современникам он был известен как ученый, автор «Опыта о конических сечениях» (1640), «Новых опытов, касающихся пустоты» (1647), «Рассказа о великом опыте по равновесию жидкостей» (1648), а также «Трактата о равновесии жидкостей» и «Трактата о весе массы воздуха» (1651, опубл. 1663), представляющих собой фрагменты несохранившегося «Трактата о пустоте», «Истории рулетки, или центроиды, и прилежающих к нему трактатов» (1658), «Писем об измерении кривых» (1659) и изданного посмертно, но, безусловно, известного ученому миру (этому посвящена переписка Паскаля с Ферма) «Трактата об арифметическом треугольнике и прилежающих к нему трактатов» (1654, опубл. 1665).

Совсем с другой, неожиданной стороны раскрыли его «Провинциальные письма», публиковавшиеся с 1656 по 1657 гг., в которых Паскаль не только проявляет себя как страстный защитник истинной религии и приверженец янсенизма, но и демонстрирует свой удивительный полемический дар, который обеспечил этому творению славу образца сатирической прозы. О необычайном успехе этого творения свидетельствуют переиздания, следовавшие одно за другим: «Письма» были изданы отдельной книгой в 1657 г., в 1658 г. они были переведены на латинский язык самим Николем², в 1659 г. переизданы снова, в последний раз при жизни их автора. «Письма к провинциалу» представляют собой сборник из восемнадцати писем полемического характера, опубликованных в 1656–1657 гг. Причиной его появления стала дискуссия между янсенистами и иезуитами о характере учения

² См. коммент. 48 к статье И. Бутовского.

К. Янсения. Когда 31 января 1655 г. один из приятелей Паскаля, маркиз де Линкур, герцог де Ла Рош Гийон, пэр Франции, решил исповедаться, его духовник встретил его довольно холодно, пояснив, что церковь Сен-Сюльпис, к которой он принадлежал, не считает возможным терпеть более заблуждения герцога, доказательством которых является его пребывание в центре янсенизма Пор-Рояль, и отказался дать ему отпущение грехов, сославшись на то, что папская булла осудила «Августинус» Янсения³. Сей вопиющий факт возмутил приверженцев янсенизма, и один из их лидеров, Великий Арно⁴, опубликовал в мае 1655 г. памфлет под названием «Письмо знатному человеку», с которого началось наступление на папистов и иезуитов. За ним вскоре последовало «Второе письмо герцогу и пэру», в котором Арно открыто заявляет, что не обнаружил в тексте Янсения тех пяти положений, которые были осуждены Папой. Весь Париж говорит об этой полемике, а в Пор-Рояле начинают волноваться о том, какой будет официальная реакция: все уверены в том, что Арно будет отлучен от церкви, а монастырь закрыт.

Вот тут-то и появляется Паскаль. Одни источники утверждают, что сам Арно попросил его вмешаться, другие полагают, что идея принадлежит Паскалю, который решает помочь приятелю. Заметим, что двумя годами раньше другой его друг, де Мере, обратился к нему за помощью в расчетах игры в кости. Размышляя над поставленной им задачей, Паскаль создает арифметический треугольник и находит принцип «математического ожидания»: величайшие творения рождаются из дружеской помощи! Паскаль, который к тому времени еще почти ничего не написал, но ясность ума которого, четкость и логичность формулировок были хорошо известны близким, решил взяться за перо и буквально на следующий день написал первое письмо, которое доказало, что Паскаль, как и его сестра Жаклин, талантливая поэтесса, наделен литературным даром⁵.

История создания почти всех произведений Паскаля, будь они научные, религиозные или философские, примечательна, и почти всегда непосредственным толчком для их появления становится факт реальной действительности. Так, начало работы над «Мыслями» связано с «чудом о терне». Племянница и крестница Паскаля, воспитанница Пор-Рояля,

³ В целях экономии места отсылаю любознательного читателя ко второй части настоящего издания «Статьи о Паскале», и прежде всего, к статье Д. С. Мережковского, которая дает исчерпывающее представление об этой непростой религиозной полемике.

⁴ См. коммент. 47 к статье И. Бутовского.

⁵ См. об этом: *Attali J. Blaise Pascal ou le génie français*. P.: Fayard, 2000. P. 246–306.

Маргарита Перье, оставившая впоследствии свои воспоминания, ставшие наряду с жизнеописанием, написанным ее матерью, бесценным источником для изучения жизни великого ученого, на протяжении трех лет страдала от абсцесса глаза, который, по мнению именитых медиков, перепробовавших все средства для лечения, неминуемо привел бы к смерти девочки. В марте 1656 г. в Пор-Рояль была привезена на два дня священная реликвия — терн венка Христа, купленного Св. Людовиком в 1229 г., частицы которого были распределены между церквями Франции. Когда монахини по очереди подходили к святой реликвии, Маргарита приложила к ней больным глазом, и той же ночью свершилось чудо — глаз выздоровел. Все врачи, прежде лечившие девочку, констатировали факт чудесного исцеления, чудо было официально признано церковными властями и во многом способствовало восстановлению влияния Пор-Рояля и янсенизма в целом. Событие произвело очень сильное впечатление на Паскаля, сделавшего свои первые записи о чудесах, вошедшие затем в «Мысли».

Обращению Паскаля к религии способствовали еще два неординарных случая: первый связан со знаменитым происшествием на мосту в Нейи, когда передние лошади коляски, на которой ехал Паскаль, вдруг понесли и он чудом спасся, уцелев между «двух бездн» — полагают, что страх перед бездной возник у него именно после этого случая. Шарль Бодлер, для которого образ бездны является одним из ключевых, открывает свой сонет «Бездна» именем французского философа: «Pascal avait son gouffre, avec lui se mouvant» — «Ты бездну страшную, Паскаль, влачил с собою» (пер. Эллиса). Второе ключевое для Паскаля событие датируется 23 ноября того же 1654 г., когда среди ночи Паскаля ослепил огонь, он почувствовал присутствие Бога, потерял сознание, а очнувшись на заре записал свой знаменитый «мемориал», или «амулет», найденный после его смерти зашитым в платье.

Но хотя толчком для начала работы послужили чудесные события, необъяснимые с точки зрения науки и разума, именно к разуму апеллирует Паскаль в своем творении, предназначенном для его друзей, вольнодумцев, либертенов, которых он пытается вернуть в лоно религии. Несмотря на то что сам Паскаль был убежден, что человек не разумом, но сердцем постигает Бога, он выстраивает свое творение по всем законам логики, как это убедительно демонстрирует знаменитое «пари» Паскаля⁶, которое может быть выражено простой арифметической формулой: Человек — Бог < Человек + Бог, т. е. человек без Бога ничтожен, Человек с Богом велик. Этой схеме

⁶ Поскольку к «пари Паскаля» часто будут обращаться авторы данной антологии, мы помещаем его в Приложении.

соответствует деление в некоторых изданиях на две части: «Человек, не познавший Бога» и «Человек, обретший Бога». К сожалению, мы не можем себе представить, каким было бы это произведение, если бы Паскаль завершил его, до нас оно дошло лишь в виде разрозненных черновиков, набросков, порядок следования которых до сих пор вызывает споры и приводит к регулярным переизданиям, причем всякий раз в новом порядке. Свои заметки Паскаль писал на любом подручном материале, и после его кончины были найдены многочисленные «связки» (*liasses*), объединявшие около тысячи отрывков, различных по жанру, объему и степени завершенности, однако их последовательность самим автором определена не была, что и привело к различному расположению материала.

«Мысли о религии и других предметах», которые, по замыслу Паскаля, должны были вылиться в «Апологию христианской религии», увидели свет в 1669 г., шокировав читателя тем, что «мысли совершенные, последовательные и ясные» тонут в ворохе «мыслей несовершенных, беспорядочных, непоследовательных, которые не могут быть полезны», — так писал их первый издатель, племянник Паскаля Этьен Перье, который в своем предисловии считает необходимым предупредить читателя, что тот увидит среди публикуемых фрагментов «кое-что от великого намерения господина Паскаля: но увидит он очень мало; и те вещи, которые он тут найдет, столь несовершенны, столь мало глубоки, столь мало удобоваримы, что могут дать лишь очень грубое представление о том, как он хотел бы их рассмотреть»⁷. Это несовершенство современники объясняли тяжелой болезнью Паскаля, что привело к распространенной в последующие эпохи идее о его сумасшествии.

Вероятно, «паскалевский вопрос», наряду с гомеровским и шекспировским, так и останется неразрешенным. Различные классификации ведут к разному прочтению и пониманию, предлагая пример нелинейного построения текста. Вольтер заметил в отношении своего «Философского словаря», что если после статьи “*amour*” идет “*antrophagie*”, то это устанавливает незримые связи между предметами.

Подобно романам Павича, «Мысли» Паскаля публикуются, а следовательно, и читаются в разном порядке. Так, Брюншвиц, один из первых уважаемых классификаторов⁸, выбирает тематический

⁷ См.: *Susini L. Pensées de Blaise Pascal*. P.: Gallimard, 2007. P. 18–19.

⁸ Впервые Брюншвиц предложил свою классификацию в 1897 г., но наиболее полное издание было подготовлено им в соавторстве (*Brunschvicg L., Boutroux P., Gazier F.*) — *Pascal B. Oeuvres complètes*: In 14 vol. // *Collection des Grands écrivains de la France*. P., 1908–1925.

подход, соединяя сходные по теме и образам фрагменты, не учитывая при этом, что сам Паскаль поместил их в разные «связки». Лафюма⁹, напротив, руководствуется порядком связок, что принимается во внимание и Ж. Шевалье¹⁰, который, стремясь дать читателю наиболее точное представление о замысле Паскаля, предложил свою классификацию фрагментов. Один из крупнейших исследователей Паскаля, Ж. Менар, предложил свое четырехтомное издание (1964–1992)¹¹, а в конце прошлого века (1998–2000) появилось новое наиболее авторитетное на сегодняшний день двухтомное издание Ле Герна¹².

Во Франции изучение жизни и творчества Паскаля представлено как фундаментальными исследованиями, так и многочисленными публикациями, посвященными частным проблемам. На родине писателя в Клермон-Ферране, университет которого носит его имя, организован международный центр Блеза Паскаля, ежегодно выпускающий информационный вестник¹³. Широко было отмечено трехсотлетие со дня его смерти (1962), в связи с чем были не только переизданы его творения (собрание его сочинений неоднократно переиздавалось в самом авторитетном во Франции издании «Плеяды»), но и прошли конференции, появились многочисленные статьи и монографии.

Современное паскалеведение развивается в основном в трех направлениях: интерес вызывает, прежде всего, сама личность гениального и парадоксального мыслителя, проявившего свои чудесные математические таланты в юном возрасте, прославившегося исследованиями в области математики и физики и внезапно, в результате чудесного обращения, разочаровавшегося в науке и пришедшего к Богу; с другой стороны, Паскаль как религиозный мыслитель оказывается в центре работ, посвященных церковной ситуации во Франции XVII в., янсенизму, Пор-Роялю и иезуитам. И, наконец, не прекращаются попытки реконструировать его величайшее творение «Мысли». Среди ведущих паскалеведов назовем Л. Брюншвига, чьи труды, появившиеся в начале XX в., привлекли внимание к творчеству Паскаля. Его эстафету в 1960-е гг. подхватил Л. Лафюма, в центре внимания которого была история создания и структура «Мыслей». Большой

⁹ *Pascal B. Oeuvres complètes*. P., 1951. L. Lafuma. По этому изданию выполнен перевод Ю. Гинзбург.

¹⁰ *Pascal B. Oeuvres complètes*. P.: Bibliothèque de la Pléiade, 1954. J. Chevalier. Это издание легло в основу первого русского перевода Э. Линецкой.

¹¹ *Pascal B. Oeuvres complètes*: In 4 vol. P., 1964–1992. J. Mesnard.

¹² *Pascal B. Oeuvres complètes*: In 2 vol. P.: Bibliothèque de la Pléiade, 1998–2000. M. Le Guern.

¹³ Courrier du Centre international Blaise Pascal.

вклад внес Жан Менар, посвятивший Паскалю около 40 работ¹⁴, выходивших с 1950 по 2011-е гг. В 1980–1990-х гг. появляются работы П. Манара¹⁵, посвященные философской составляющей творчества Паскаля. Начало XXI в. ознаменовалось новым всплеском интереса в связи с тем, что «Мысли» вошли в программу университетских экзаменов. Так, согласно библиографии «Вестника международного центра Блеза Паскаля», только за 2011 и неполный 2012 гг. появилось более сорока монографий, сборников и статей¹⁶.

Необходимо отметить, что большинство работ рассматривает личность и труды Паскаля в рамках XVII столетия, в связи с развитием науки, философии, литературы этого времени, в то время как влияние Паскаля на развитие европейской философии и литературы однозначно признается, но работ, посвященных данной проблеме, не много.

А какова судьба Паскаля в России? В XVIII в. интерес представляли исключительно его научные труды и опыты с трубками на горе Пюи дю Дом по измерению массы воздуха, которыми заинтересовался Ломоносов. Впервые в России его имя упоминается именно в связи с опытами Торричелли в 1728 г.¹⁷ В конце века его открывают как философа, автора «Писем к провинциалу» и «Мыслей», с которыми образованные русские знакомятся в оригинале. Любопытный факт: несмотря на то что в это время появляется много переводной литературы, прежде всего с французского, предыдущее столетие представлено, главным образом, творениями классицистов — Корнеля, Расина, Мольера, и лишь в начале XIX в. делаются попытки перевода «Мыслей». П. С. Бобрищев-Пушкин начинает трудиться над переводом еще до декабрьского восстания 1825 г. и продолжает работу уже в ссылке, где ему помогает И. И. Пущин, который, сознавая огрехи «русского Паскаля» — «младенец несколько ряб лицом», — просит о помощи Е. А. Энгельгарда, однако перевод так и не был издан: «Если Москва того же мнения как Петербург, то просим вас этого философа, не узванного в русском костюме, возвратить, или лучше сказать, сослать в Сибирь. Пушкин просил меня вытребовать его детище», — пишет Пущин, который весьма критически отнесся к первому переводу И. Бутовского, вышедшему в 1843 г., заметив, что удивляется, как

¹⁴ См. например: *Mesnard J. Pascal, l'homme et l'oeuvre*. P., 1951; *Pascal et les Roannez: In 2 vol.* P., 1965; *Les Pensées de Pascal ont 300 ans*. P., 1971; *L'Horizon européen dans l'oeuvre de Pascal*. P., 1992; *Les Pensées de Pascal*. P., 1993.

¹⁵ *Magnard P. La clé du chiffre*. P., 1991.

¹⁶ *Courrier du Centre international Blaise Pascal*. 2012. № 34. P. 46–47.

¹⁷ См.: *Тарасов Б.Н. «Мыслящий тростник». Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей*. М., 2004. С. 247.

такой перевод был напечатан, но не удивится, если «издатель перевода останется при своих экземплярах»¹⁸. Впрочем, и перевод Бобрищева-Пушкина был, по-видимому, немногим лучше: Л. Толстой, который часто цитирует Паскаля в «Круге чтения» и «Пути жизни», где переводит его сам, писал, что он «не вполне хорош», в нем «многого недостает: едва ли не самые замечательные статьи пропущены»¹⁹.

Как видим, судьба «русского Паскаля» с самого начала была непростой. Впервые русский читатель смог открыть для себя Паскаля лишь в 1843 г., когда появился перевод, сделанный И. Бутовским. Хотя этот перевод получил высокую оценку В.Г. Белинского, который писал, что переводчик «заслуживает полную благодарность за перевод дельной книги»²⁰, читатель вряд ли мог составить себе верное представление о труде Паскаля, ибо под общим заглавием «Мысли» были собраны отрывки из разных философских и научных трактатов («Введение к Трактату о пустоте», «Разговор с де Саси об Эпиктете и Монтене», «О геометрическом уме и об искусстве убеждать», «Три рассуждения о положении знати»). Автор перевода произвольно поделил текст на главы и назвал их. Весь текст занимает 299 страниц небольшого формата, где самая значительная часть, связанная с религией, оказалась опущена. Но винить в этом переводчика не приходится: его перевод точно соответствует первому тому издания Ренуара, вышедшему в 1803 г. и неоднократно переиздававшемуся на протяжении двух десятилетий²¹. Подобный подход свидетельствует о желании переводчика представить русскому читателю разные грани паскалевского таланта, но неизбежно приводит к чрезмерной лапидарности и разнородности материала, который не сложился в единое целое и не был способен дать сколь-нибудь адекватное представление об ученом и философе. Знаменитое паскалевское сравнение человека с «мыслящим тростником», помещенное в главу «Общее понятие о человеке», впервые на русском языке выглядело так: «Человек есть не что иное, как слабая былинка в природе; но это — былинка мыслящая»²². Значение издания И. Бутовского в том, что оно было первой попыткой не только познакомить русского читателя с творением Паскаля, но и представить самого автора: И. Бутовский

¹⁸ См. об этом: Там же. С. 258–262.

¹⁹ См.: Там же. С. 262.

²⁰ *Кляус Е.М., Погребынский И.Б., Франкфурт У.И.* Паскаль (1623–1662). М., 1971. С. 304.

²¹ *Pensées de Blaise Pascal publiées avec un Avertissement de A.-A. Renouard: In 2 vol.* Р., 1803 (1812, 1820).

²² *Паскаль В.* Мысли. СПб., 1843. С. 103.

предваряет перевод своей статьей, помещенной в данной антологии. Любопытное совпадение: русский перевод выходит в знаковый для изданий Паскаля год, начиная с которого последуют переиздания «Мыслей» в связи со знаменитым выступлением В. Кузена во Французской академии о необходимости нового издания, соответствующего подлиннику²³.

Бутовский явился основоположником широко практиковавшегося в дальнейшем перевода избранных мыслей Паскаля, продолженного Орловым и Гюнсбургом на рубеже веков. Эта традиция публикации отдельных мыслей была усвоена XX в., когда выходят сборники афоризмов французских моралистов XVII–XVIII вв. Ларошфуко, Лабрюйера, Паскаля и других.

Первый более основательный, хотя и не полный, перевод, сделанный П. Д. Первовым²⁴, появился в конце XIX в., в 1888 г. (переиздан 1899 и 1905) на основании издания Ш. Луандра 1854 г.²⁵, переизданного в 1866 г. Как указывает французский редактор, текст соответствует подлинному рукописному тексту, однако и в нем сохранено предложенное в более ранних изданиях (в издании Боссю²⁶) деление на две части: о человеке и о религии, чего самим Паскалем предусмотрено не было, но что стабильно сохранялось и в более поздних изданиях, где уже четко было выделено две части: Человек без Бога и Человек с Богом.

В следующем году выходит книга А. И. Орлова «Французский мудрец Влас Паскаль. Его жизнь и труды» (переиздана в 1911²⁷), составитель которой выбирает, как об этом пишут Е. М. Кляус, И. Б. Погребысский, У. И. Франкфурт²⁸, «преимущественно религиозные мысли». Однако на самом деле Орлов делает краткий перевод все тех же мыслей о величии и ничтожестве человека, которые уже были переведены Бутовским, но в еще меньшем объеме. Как отмечают все те же исследователи, этот план и перевод был одобрен Л. Толстым, который посоветовал свое расположение материала, од-

²³ Cousin V. Rapport à l'Académie française sur la nécessité d'une nouvelle édition des Pensées de Blaise Pascal lu dans les séances du 1er avril, 1er mai, 1er juin, 1er juillet et 1er août 1842.

²⁴ Паскаль Б. Мысли / Перевод П. Д. Первова. СПб.: «Пантеон литературы», 1889. 260 с.

²⁵ Pensées de Pascal. Edition variorum d'après le texte du manuscrit autographe par Charles Louandre. Paris, 1854.

²⁶ Oeuvres de Blaise Pascal: In 2 vol. La Haye, 1779.

²⁷ Французский мудрец Паскаль, его жизнь и труды. Составлено А. И. Орловым: В 2 частях. М.: типография типографского дома М. В. Балдин, 1911. 62 с.

²⁸ Кляус Е. М., Погребысский И. Б., Франкфурт У. И. Указ. соч. С. 321.

нако это совместное начинание завершено не было. По этому же пути пойдет и М.Э. Гюнзбург, выпустивший в 1904 г. в Санкт-Петербурге «Избранные мысли Паскаля» в своем переводе: предельно краткое издание, насчитывающее лишь 42 страницы²⁹.

В 1892 г. (переиздан в 1902) выходит новый перевод С. Долгова³⁰, впервые с некоторыми комментариями, заимствованными из французского источника. К сожалению, не удалось установить, на какое французское издание опирался переводчик: полного совпадения ни с одним обнаружено не было. Можно предположить, что переводчик проявляет самостоятельность в расположении материала, перенимая опыт французских издателей, весьма вольно обращавшихся с материалом. Задача поисков источника — не из простых, ибо Паскаль переиздавался в огромном количестве, и каждый издатель старался внести свою лепту в труд мыслителя³¹.

О глубоком интересе Л. Толстого к Паскалю свидетельствуют многие произведения, но прежде всего «Круг чтения» (1904–1908) и «Путь жизни» (1910), в которых «Мысли» цитируются более 200 раз: в последнем чаще Паскаля упоминается только Иисус Христос. В этих книгах французский мыслитель заговорил языком Толстого, который с увлечением и весьма вольно переводит поразившие его отрывки.

Затем Паскаль был забыт почти на 70 лет, и новый перевод Э. Линецкой был изначально напечатан в значительном сокращении в сборнике «Франсуа де Ларошфуко. Максимы. Блез Паскаль. Мысли. Жан де Лабрюйер. Характеры» в 1974 г. Полный же перевод, сделанный по изданию Ж. Шевалье в «Плеяде» 1954 г., вышел лишь в 1995 г. в издательстве «Северо-Запад» в 1995 г. с основательными комментариями и обширной статьей о жизни и творчестве Паскаля И. Бабанова, публикуемой в нашем издании³². В этом же году появился и новый перевод, сделанный Ю. Гинзбург, который регулярно переиздается в последние десятилетия. Ю. Гинзбург делает перевод на основании издания Лафюма (1952)³³. Переводчица

²⁹ Избранные мысли Паскаля. Перевод с французского М.Э. Гюнзбурга. С кратким биографическим очерком автора. СПб.: В. Губинский, 1904.

³⁰ Паскаль Б. Мысли. Перевод С. М. Долгова. М.: типография И. Д. Сытина, 1892. 208 с.

³¹ Согласно Генеральному каталогу Парижской национальной библиотеки с 1669 по 1873 г. вышло 10 различных изданий «Мыслей» Паскаля, многократно переиздававшихся, особенно на протяжении XIX века.

³² Паскаль Б. Мысли / Перевод Э. Линецкой. СПб.: «Северо-Запад», 1995.

³³ Паскаль Б. Мысли / Пер. Ю. Гинзбург. М.: издание Сабашниковых, 1995.

знакомит читателя с Паскалем и погружает его в политическую и религиозную атмосферу эпохи в своей статье «Мысли о главном».

В 1994 г. О. Хома, возродив перевод Долгова, печатает в Москве и Киеве в издательстве под знаковым для Паскаля названием Пор-Рояль не только «Мысли»³⁴, но и «Провинциальные письма», а также «Трактаты, полемические сочинения и письма» — целых три тома паскалевских сочинений в переводах конца XIX в.

В качестве курьеза отметим и книгу В. Халтомы «Импровизация на тему: французские моралисты», вышедшую в 2010 г. в Москве³⁵, где избранные мысли, приведенные в переводе Ю. Гинзбург, переложены автором в назидательные четверостишия.

В настоящее время российский читатель имеет возможность познакомиться с «Мыслями» как в их полном виде — перевод Ю. Гинзбург, так и в отрывках. Начатая первым переводчиком Паскаля на русский язык И. Бутовским практика перевода и публикации выборочных высказываний продолжается и до настоящего времени.

Если о «Мыслях» русский читатель может при желании получить довольно полное представление, то о других произведениях он не имеет и не может иметь почти никакого понятия. Это относится не только к научным трудам, которые были переведены отрывочно и опубликованы в научных журналах, оказавшись доступными лишь узким специалистам, но и к «Письмам к провинциалу».

В России они были изданы лишь дважды с промежутком почти в 100 лет: в переводе А. И. Попова в Санкт-Петербурге в 1898 г. и в Киеве в 1997 г. тиражом 5000 экземпляров. Последнее издание, снабженное комментариями и дополнениями, в частности примечаниями Николя, представляет собой сверенный и отредактированный перевод А. И. Попова — единственный на данный момент. Что и говорить, издания раритетные, малодоступные даже для интересующегося читателя! Зато это сочинение на французском языке, разумеется, было хорошо известно русским интеллигентам XIX — начала XX столетия, о чем свидетельствуют произведения данной антологии. Чтобы читатель не испытал в дальнейшем чувство растерянности и непонимания и получил хотя бы поверхностное представление об этом шедевре сатирической прозы³⁶, позволю себе вкратце остановиться

³⁴ Паскаль Б. Мысли / Перевод О. Хомы и С. Долгова. Киев: Port-Royal, 1994.

³⁵ Халтома В. Импровизация на тему: «Французские моралисты». М.: «Компания Спутник», 2010.

³⁶ Статья об этом произведении с изложением его краткого содержания помещена в Словаре величайших произведений французской литературы (1998) (*Grandes oeuvres de la littérature française. Dictionnaire*. P.: Larousse, 1998).

на истории его создания (исчерпывающий исторический очерк дадут представленные в данном сборнике статьи, посвященные Паскалю), но на его содержании, структуре и художественных особенностях.

Первое письмо, получившее горячее одобрение Пор-Рояля, было тайно напечатано 23 января 1656 года и вышло без указания имени автора под заголовком «Письмо к провинциалу одного из его друзей по поводу прений, проходящих сейчас в Сорбонне». Паскаль вел рассказ от лица наивного простака, пожелавшего самостоятельно разобраться в предмете спора и обратившегося за разъяснениями о главном предмете разногласий — Божьей Милости — то к иезуитам и их союзникам, то к янсенистам. «Я быстро стал великим теологом, подтверждения чему вы увидите в дальнейшем», — пишет простак, пришедший к выводу, что цель прений не поиски истины, а осуждение Арно.

Появление письма произвело ошеломляющий эффект, но Арно все-таки был осужден и исключен из Сорбонны.

Во втором письме Паскаль продолжил разбор сути разногласий между янсенистами и иезуитами, в третьем он обращается к несправедливости нападок на Арно: обвинители не смогли привести из его трудов ни одной строки, заслуживающей порицания. Это письмо было подписано: «*Ваш нижайший и покорнейший слуга Е.А.А.В.Р.А.Ф.Д.Е.Р.*³⁷». Аббревиатура означала: «и давнишний друг, Блез Паскаль, овернец, сын Этьена Паскаля».

При дворе письма вызвали сильнейшее негодование, по приказанию канцлера полиция ищет анонимного автора. Были произведены обыски у типографов, допросы рабочих типографий — безрезультатно. Письма тем временем распространялись по Франции, пользуясь большим успехом. Как писал один современник: «Никогда еще почта не зарабатывала столько денег. Оттиски посылались во все города королевства...» В четвертом письме, когда Паскаль переходит к критике моральной теологии иезуитов, чему он посвящает следующие шесть писем, появляются новые персонажи: «порядочный человек» в качестве наблюдателя со стороны и «добрый патер казуист» — главное действующее лицо этих писем, бесспорно следующий догмам иезуитов и помогающий первому разобраться в их казуизме. Прототипом «доброго патера» стал Антонио Эскобар, автор «Нравоучительного богословия» (1640).

Письма вызвали бурную реакцию ордена: иезуиты яростно защищались: анонимный автор назывался в их проповедях и памфлетах безбожником, обвинялся в искажении цитат, осмеивании священных предметов. В последних письмах Паскаль, сменив комедийные при-

³⁷ Et Ancien Ami Blaise Pascal, Auvergnat, Fils De Etienne Pascal.

емы и остроумие на сарказм, опровергал все обвинения оппонентов. Приводя спорные места, он доказывает, что никогда не искажает выдержек из трудов иезуитов. К этому времени Паскаль был вынужден переезжать с места на место, жить под чужим именем, так как его уже подозревали в авторстве «Писем». Для общины янсенистов опять наступили тяжелые времена: против них был подготовлен новый обвинительный формуляр, и 16 октября 1656 г. папа Александр VII, как и его предшественник, осуждает пять положений из «Августина». Когда королевский духовник отец Анна выпускает брошюру, где объявляет янсенистов еретиками, Паскаль пишет в его адрес семнадцатое и восемнадцатое письма, в которых он возвращается к теме первых — Божьей Милости. Анонимный автор призывает своего противника доказать, а не голословно утверждать, что он еретик, что абсолютно невозможно, ибо он не пропустил ни одной службы и никогда не нарушил ни одной заповеди. Все обвинения отца Анна строятся на силлогизме: тот, кто пишет эти письма, принадлежит Пор-Роялю, Пор-Рояль провозглашен рассадником ереси, следовательно, тот, кто пишет письма, — еретик, хотя ни в речах, ни в письмах нет никаких тому доказательств. «Вы чувствуете удары невидимой руки, которые делают видимыми для всех ваши заблуждения». «Я ничего не жду от мира, я ничего в нем не боюсь, я ничего от него не хочу... А потому я остаюсь неуязвим для всех ваших нападок».

Существовал черновик и девятнадцатого письма, однако, оно не вышло в свет. Полемика прервалась. Вероятно, учитывая ход событий, янсенисты сочли невозможным продолжать ее. Сам же Паскаль впоследствии говорил, что если бы ему еще раз пришлось встать на путь теологической борьбы, то книга была бы написана еще резче. Отдельным сборником «Письма к провинциалу» были изданы в Кёльне в 1657 г. за подписью Луи де Монтальта³⁸, и в том же году они были внесены в Индекс запрещенных книг. Узнав об этом, Паскаль сказал, что если «Письма» осуждены в Риме, это означает, что осуждаемое в них осуждено на небе³⁹. Латинский перевод был также встречен враждебно и сожжен по постановлению королевского совета, но зато казуистической морали был нанесен серьезный удар.

В «Письмах» наиболее полно проявился писательский дар Паскаля. Их популярности способствовало и то, что автор избрал для обсуждения серьезных вопросов богословия «стиль приятный, иронический,

³⁸ Les Provinciales ou les Lettres écrites par Louis de Montalte, à un Provincial de ses amis et aux révérends pères Jésuites sur le sujet de la morale et de la politique de ces Pères. A Cologne, chez Pierre de la Vallée.

³⁹ См.: *Тарасов Б.* Блез Паскаль. М.: Молодая гвардия, 1979.

развлекательный». Паскаль объяснял это стремлением быть понятым более широким кругом читателей: «Чтобы мои письма читали женщины и светские люди и уяснили себе опасность максим и предложений, которые распространялись тогда повсюду и воздействию которых легко поддавались». Чтобы выполнить эту задачу, Паскалю пришлось затратить немало сил: по воспоминаниям Арно, каждое письмо зачитывалось перед обитателями пор-рояльской общины, и если находился хотя бы один недовольный, то автор переделывал его до тех пор, пока не достигал единодушного одобрения.

Несомненно влияние «Писем» на последующее развитие французской литературы. Вольтер называл эту книгу «первой гениальной книгой, написанной прозой» и отмечал, что «этому произведению суждено было создать эпоху в окончательном оформлении языка».

На русский язык были переведены всего два научных трактата Паскаля: «Трактат о равновесии жидкостей» и «Опыт о конических сечениях»⁴⁰, кроме того, сравнительно недавно появился перевод столь важного для понимания мировоззрения ученого текста, как «О геометрическом уме и искусстве убеждать», написанного в 1657 г., в переводе Г. Я. Стрельцовой, которая также перевела «Разговор с г. де Саси об Эпиктете и Монтене» и «Об обращении грешника». К сожалению, поскольку данные тексты были опубликованы как приложение к книге «Паскаль и европейская культура»⁴¹, они остаются малодоступны читателю. Ю. Гинзбург перевела не только «Мысли», но и несколько писем, а также малые сочинения — «Беседу с г-ном де Саси», «Сравнение первых христиан с нынешними», «Молитву, чтобы Бог дал мне употребить болезни во благо» и «Три беседы о положении сильных мира сего». Ей также принадлежит заслуга знакомства с «Жизнью господина Паскаля, написанной госпожой Перье, его сестрой, супругой господина Перье, советника палаты сборов в Клермоне» и «Заметками о жизни господина Паскаля, написанными мадемуазель Маргаритой Перье, его племянницей» — именно эти два мемуарных текста послужили основой для всех жизнеописаний Паскаля.

Однако несмотря на последние издания «Русский Паскаль», судьба которого складывалась непросто с самого начала, до сих пор ожидает своего исследователя, переводчика и издателя.

⁴⁰ Паскаль Б. Трактат о равновесии жидкостей // Начала гидростатики (Архимед, Стевин, Галилей, Паскаль). М.; Л., 1933; Опыт о конических сечениях. Приложение: «Письмо Лейбница к Перье... племяннику г. Паскаля» // Историко-математические исследования. М., 1961.

⁴¹ Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М.: Республика. С. 434–472.

В 1971 г. в издательстве «Наука» вышло глубокое и всестороннее исследование многогранной деятельности Паскаля, написанное коллективом авторов — Кляус Е. М., Погребысский И. Б., Франкфурт У. И., — где он представлен и как физик, и как математик, и как философ, сыгравший видную роль в развитии науки, философии и литературы⁴². Личности Паскаля посвящены монографии Стрельцовой Г. Я., вышедшая в серии «Мыслители прошлого» (Блез Паскаль. М.: Мысль, 1979), и Тарасова Б. Н., вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» и неоднократно переиздававшаяся (М., 1979, 1982, 2006). Они же являются авторами книг «Паскаль и европейская культура» (1994) и «Мыслящий тростник: Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей» (2005) соответственно. Обе указанных монографии являются ценнейшими источниками сведений о восприятии Паскаля в последующие века в разных странах, они позволяют не только осознать широту и глубину воздействия автора «Мыслей» на мировую культуру, но и во многом восполняют ту лакуну в изучении Паскаля, которая образовалась в России. Авторы провели кропотливую работу по сбору и анализу богатого материала. Наиболее интересные отрывки из произведений наших исследователей включены в первую главу антологии, что позволит читателю оценить влияние Паскаля на русскую философию и литературу.

Любопытно, что российских исследователей Паскаль привлек именно с точки зрения его роли в русской культуре, в то время как в России, увы, не существует научных монографий, посвященных комплексному изучению его наследия. Появление обеих монографий свидетельствует о том стойком интересе, который проявляли российские литераторы и мыслители к его творчеству на протяжении нескольких столетий — с конца XVIII по начало XX в. Его практически полное забвение в социалистический период является весьма симптоматичным.

Как, на кого и в силу каких обстоятельств влиял Паскаль и призвана показать данная антология. Даже краткий список представленных в ней имен говорит сам за себя: Чаадаев и Гоголь, Толстой, Тургенев, Достоевский, Тютчев, Мережковский, Розанов, Флоренский, Франк, Вышеславцев...

Безусловно, именно «Мысли» оказались наиболее востребованными, однако и «Письма к провинциалу», стиль которых восхищал Тургенева, несмотря на его неприятие религии Паскаля, нашли своего внимательного читателя, о чем свидетельствует обращение

⁴² Кляус Е. М., Погребысский И. Б., Франкфурт У. И. Паскаль (1623–1662). М.: Наука, 1971.

к самой форме письма в полемических (как у Чаадаева) или назидательных (как у Гоголя) целях, равно как и использование сюжетного диалога при рассмотрении философской проблемы у Хомякова или Герцена.

Разумеется, один том не смог бы вместить все русские отклики, цитаты, отсылки, упоминания, поэтому составитель решил руководствоваться принципом «единства и многообразия»: с одной стороны, восприятие Паскаля в России представлено текстами биографическими, документальными, теоретическими, философско-религиозными и литературными. С другой стороны, авторы, помещенные в разных разделах, повторяются, что свидетельствует о том интересе, который они проявляли к Паскалю в теории и на практике. Таким образом, читатель может (обратимся опять к творчеству М. Павича!) знакомиться с антологией как по горизонтали — т. е. в ее линейной последовательности, так и по вертикали — выбрав определенного автора и пройдя за ним путь от документальности к художественности.

Первая глава освещает не очень богатое российское паскалеведение, представленное отрывками из книг наиболее авторитетных специалистов — Г. Я. Стрельцовой и Б. Н. Тарасова. Специалисты по истории науки У. М. Кляус, И. Б. Погребысский, У. И. Франкфурт в своей книге «Паскаль», глава из которой приводится в антологии, подробно освещают жизненный путь великого ученого, математика, физика, философа, не только рассматривая его научные идеи, но и обращаясь к истории его наследия. Статья И. Е. Бабанова о мыслителе была опубликована в первом полном издании «Мыслей» на русском языке, а одна из последних статей, написанная для данного издания известным филологом-романистом С. В. Власовым, проливает свет на малоизвестные факты русской переводной литературы. Таким образом, первая глава дает представление об отечественных работах, посвященных Паскалю с 1970-х по 2013 гг.

Во второй главе собраны очерки о жизни и творчестве неординарного ученого, начиная от первого представления Паскаля русскоязычному читателю И. Бутовского, через эмоциональное восприятие Л. Толстого, культурологический и исторический подход В. Розанова, размах и основательность Д. Мережковского к глубокому философскому анализу Б. Вышеславцева. Эта глава дает возможность не только глубже узнать жизнь Паскаля во всей ее противоречивости, оригинальности и непредсказуемости, познакомиться с необычной историей создания его творений, но и погрузиться в научную и религиозную атмосферу эпохи, ознаменовавшейся как важнейшими открытиями в математике и физике, так и серьезными и опасными религиозными разногласиями.

Следующая глава позволяет перелистать, вспомнить (или впервые прочесть?) наиболее интересные пассажи из «Мыслей» Паскаля, к цитированию которых обращаются В. Белинский и Л. Толстой, выступившие в качестве пропагандистов идей французского философа, еще плохо знакомого русскоязычному читателю. Если Белинский полагает, что творение Паскаля представляет интерес лишь в качестве «исторического памятника», то Толстой не просто приводитлюбившиеся ему места в собственном переводе, но дополняет их своими размышлениями, что позволяет нам увидеть ту незримую нить, что накрепко связала столь разных, но столь внутренне единых великих религиозных мыслителей, отразившись в литературном творчестве Л. Толстого, как это видно из его художественных произведений, представленных далее.

Цель четвертой главы — продемонстрировать степень знакомства с Паскалем в России. В ней содержатся письма, дневниковые записи, воспоминания, т. е. документальные свидетельства, в которых упоминается имя французского философа (Тургенев, Герцен, Достоевский), цитируются его творения («Мысли» или «Письма к провинциалу») или развиваются идеи близкие Паскалю, как это происходит в «Заметках» или «Дневнике писателя» Достоевского.

Две следующие главы посвящены философско-религиозному и литературному восприятию Паскаля. Пожалуй, впервые имя Паскаля на русском языке появляется в «Почте духов», которая заслуживает особого внимания. Это произведение считается значительным явлением в сатирической литературе эпохи, что, как и эпистолярная форма, бесспорно роднит его с «Провинциальными письмами». Журнал издавался Крыловым в 1789 г. под полным названием «Почта духов, или ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами». Несмотря на то что некоторые исследователи подвергали сомнению авторство данного творения (так, одним из возможных соавторов считался А. Н. Радищев), а В. П. Семенников увидел в нем следы влияния иностранных, скорее всего французских, источников⁴³, однако на протяжении почти двух столетий авторство Крылова не вызывало особых сомнений, пока в 1978 г. М. В. Разумовская⁴⁴ не выявила многочисленные заимствования из «Кабалистических писем» (1737–1741) маркиза д'Аржанса (1704–1771), плодovitого

⁴³ Семенников В. П. Литературно-общественный круг Радищева // Радищев А. Н. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. С. 266.

⁴⁴ Разумовская М. В. «Почта духов» И. А. Крылова и романы маркиза д'Аржана // Русская литература. 1978. № 1. С. 103–115.

и известного французского писателя. Отметив сходство названия, структуры и повествования, ученый пишет: «Всего в составе “Почты духов” можно назвать 19 писем, переведенных из “Кабалистических писем” маркиза д’Аржана. <...>», причем заимствования делаются из разных томов семитомного романа французского автора без какой бы то ни было системы. «Подобное отсутствие системы особенно заметно на примере письма философа Эмпедокла (XL): его начало состоит из послания кабалиста Абукибака к Бен Киберу, а конец — из второй половины более раннего письма Бен Кибара к Абукибаку (герои “Кабалистических писем”. — В.А.)»⁴⁵. Именно это письмо и помещено в нашей антологии, так как в нем мысль Паскаля⁴⁶ не только цитируется, но и подвергается осмыслению. Крылов почти дословно переводит отрывок из письма LXXXII четвертого тома романа маркиза д’Аржанса, где французский философ назван «самым высочайшим разумом последних веков». Разделял ли эту мысль русский сатирик? Был ли он знаком с «Мыслями» Паскаля? Остается только гадать, но русский читатель впервые читал французского мыслителя по-русски, и, таким образом, Крылов может считаться одним из первых переводчиков Паскаля, правда, всего лишь одной его мысли!

Однако в основном в данных главах речь идет уже не о прямых отсылках, хотя и они встречаются, но о глубоком и скрытом влиянии или типологическом сходстве, наблюдаемом у столь разных авторов, между которыми устанавливается, таким образом, незримая связь.

Так, Ф. М. Достоевский, лишь в одном письме упомянув имя Паскаля, обнаруживает с ним глубинное «избирательное» сродство, что проявляется как в его дневниках и письмах, так и в его романах.

Центральный для обоих вопрос — о существовании Бога и тождественный ему вопрос о бессмертии. «Вопрос о бессмертии души так бесконечно важен, так глубоко нас затрагивает, что быть безразличным к его решению — значит вообще утратить всякое живое чувство. Наши дела и поступки должны целиком зависеть от того, есть ли у нас на-

⁴⁵ Там же. С. 108.

⁴⁶ Паскаль Б. Мысли. № 393. С. 172: «Видя слепоту и ничтожество человека, вглядываясь в немую Вселенную и в него, погруженного во мрак, предоставленного самому себе, словно заблудившегося в этом закутке мироздания и понятия не имеющего, кто его туда поместил, что ему там делать, что с ним станет после смерти, не способного к какому бы то ни было познанию, я испытываю ужас, уподобляясь тому, кто во сне был перенесен на пустынный, грозящий гибелью остров и, проснувшись, не знает, где он, знает только — нету у него никакой возможности выбраться из гиблого места. Думая об этом, я поражаюсь, — как это в столь горестном положении люди не приходят в отчаянье!»

дежда на вечное блаженство или ее нет»⁴⁷ — мысль Паскаля, которая вполне могла бы выйти из-под пера Достоевского, полагавшего, что «коли веришь во Христа, то веришь, что жить будешь вовеки». «Мое бессмертие уже потому необходимо, что Бог не захочет сделать неправды и погасить совсем огонь раз возгоревшейся к нему любви в моем сердце», — полагает Степан Трофимович Верховенский, символ веры которого звучит так: «Если есть Бог, то и я бессмертен»⁴⁸. Именно этот вопрос, по словам Ивана Карамазова, является главным для «русских мальчиков»: «ну и что ж, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? <...> — Да, настоящим русским вопросы о том: есть ли Бог и есть ли бессмертие <...> — конечно, первые вопросы и прежде всего, да так и надо, — отвечает ему Алеша. Бог и бессмертие неразрывно связаны и в рассуждениях черта: нет Бога, нет бессмертия, а значит — “все позволено”»⁴⁹.

Для обоих писателей познание Бога немыслимо без обращения к светлому образу Иисуса Христа: «...верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом, чем с истиной», — писал Достоевский в письме к Н. Д. Фонвизиной в 1854 г.⁵⁰ «Только через Иисуса Христа могут / люди / приобщиться к Богу», — пишет Паскаль, убежденный в том, что «кто познал Иисуса Христа, тот хранит равновесие, ибо в Нем мы явственно видим и Бога, и наше собственное горестное ничтожество»⁵¹.

Паскаль, полагая, что счастье можно найти только в Боге, делит людей на три категории⁵²: «к первой относятся те, что обрели Бога и служат Ему», как Алеша или Соня; «ко второй — те, что, не обрета,

⁴⁷ Паскаль Б. Мысли. СПб., 1995. № 334. С. 142. Несмотря на то что начиная с 1995 г. «Мысли» Паскаля издаются в новом переводе Ю. Гинзбург, здесь и далее приводятся цитаты по переводу Э. Линецкой, который, хотя тоже далек от совершенства, но зачастую более точно передает мысль автора.

⁴⁸ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 10. С. 505.

⁴⁹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 14. С. 213.

⁵⁰ Достоевский Ф. М. Письма 1832–1859 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 28. Кн. 1. С. 176.

⁵¹ Паскаль Б. Мысли. № 75. С. 30.

⁵² Там же. С. 156.

ищут Его» — Раскольников, Кириллов, Ставрогин, Иван Карамазов; «к третьей — те, что существуют, не обрета и не утруждая себя поисками», как, например, Федор Карамазов или Петр Верховенский. Первые, по Паскалю, «разумны и счастливы, третьи безумны и несчастливы, те, что посередине, — несчастны и разумны» — именно такие герои наиболее интересны Достоевскому; такой человек, не познавший, но ищущий Бога, в центре размышлений Паскаля.

Разрешению этого центрального для обоих мыслителей вопроса — веры и неверия, жизни с Богом или жизни без Бога, вечности или небытия, посвящено знаменитое «пари» Паскаля, открывающее в наиболее авторитетном на сегодняшний день издании Легерна раздел «Доказательства религии на примере еврейского народа. Пророчества и некоторые речи»⁵³: «Бог либо есть, либо его нет»: если Бог есть — человека ждет бесконечность, если Его нет — человек обречен на небытие. Как же решает свое пари Паскаль?

Не взывая к доводам разума — «разум нам тут не помощник»⁵⁴ — философ прибегает к игре: что выпадет — орел или решка? Что более вероятно — существование Бога или нет, на что лучше ставить, чтобы выиграть? Принцип математического ожидания⁵⁵, ныне один из основных в теории вероятности, был сформулирован Паскалем применительно к игре в кости⁵⁶; на нем же основывается обоснование существования Бога. Что же можно проиграть и что выиграть? Если Бога нет, то жизнь конечна, но если Он есть, то вас ждет бесконечность, т. е. если вы ставите на то, что Бога нет, в том случае, если это так, вы ничего не теряете, но ничего и не обретаєте. А если Он все-таки есть, то, ставя против Него, вы добровольно лишаете себя бесконечного блаженства. Если же вы поставите на Бога, а его нет — то вы ровным счетом ничего не теряете, но если он есть, то вы «выигрываете бесконечно блаженную бесконечную жизнь». И поскольку играть все равно приходится, «давайте откажемся от разума во имя жизни, рискуем этим самым разумом во имя бесконечно большего выигрыша, столь же возможного, сколь возможен и проигрыш — то есть

⁵³ *Pascal B. Pensées*. Ed. de M. Le Guern. P., 2004. P. 247–253.

⁵⁴ *Паскаль Б. Мысли*. № 451. С. 205.

⁵⁵ Математическое ожидание — мера среднего значения случайной величины в теории вероятностей.

⁵⁶ Друг Паскаля А. Гомбо де Мере (1607–1684) искал подтверждения своим выводам о том, сколько раз нужно бросить кости, чтобы вероятность выпадения двух шестерок оказалась больше половины. Вторым вопросом, заданным Паскалю де Мере, состоял в том, как следует разделить первоначальную ставку между игроками в том случае, если игра почему-то прервана. Из этих двух вопросов и возникла теория вероятности.

небытие». «Взвесим наш возможный выигрыш и проигрыш, если вы поставите на орла, т. е. на Бога. Сопоставим тот и другой: выиграв, вы выигрываете все, проиграв, не потеряете ничего. Ставьте же, не колеблясь на Бога!» — призывает Паскаль⁵⁷.

Почти все герои Достоевского заключают пари Паскаля: «Ищите и обряцете», — говорит Порфирий Раскольникову, убежденный в том, что если тот «веру или Бога» найдет, то и будет жить⁵⁸. Все то же пари, но повернутое своей самой трагической стороной: без Бога — смерть, с Богом — жизнь.

«Я тебя вожу между верой и безверием попеременно», — говорит Черт Ивану и рассказывает притчу о «мыслителе и философе», который все отвергал, «а главное — будущую жизнь», ибо это противоречило его убеждениям. Но когда перед ним после смерти забрезжила возможность райской двери, то он не поленился пройти квадриллионы квадриллионов километров и вечная жизнь со всей очевидностью предстала перед ним, да так, что он пропел ей осанну, ибо лишь за две такие секунды можно пройти квадриллионы километров⁵⁹. Вопреки пари Паскаля, бессмертие открылось перед тем, кто ставил против Бога, но с тем, чтобы убедить в том, что надо ставить на Него.

В 1870 г. Достоевский писал в письме к Ап. Н. Майкову о замысле большого романа под предполагаемым названием «Житие великого грешника»: «Главный вопрос, который придется во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование Божие. Герой в продолжение жизни — то атеист, то верующий, то фанатик и сектатор, то опять атеист»⁶⁰.

Для Ставрогина орел — Шатов, решка — Кириллов. «В то же самое время, когда Вы насаждали в моем сердце Бога <...>, — горестно восклицает Шатов, — Вы утверждали в нем (Кириллове. — В.А.) ложь и клевету и довели его разум до исступления»⁶¹. Шатов, признающийся Ставрогину: «Я буду веровать в Бога»⁶², по словам Паскаля, носит печать «милосердия Господня», «силы человека, обретшего Бога». В отличие от Ставрогина и Кириллова, Шатов не кончает жизнь самоубийством, но трагически погибает просветленным, верующим во все

⁵⁷ Паскаль Б. Мысли. № 451. С. 206–207.

⁵⁸ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 351.

⁵⁹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 15. С. 77–79.

⁶⁰ Достоевский Ф. М. Письма 1869–1874 // Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 29. Кн. 1. С. 117.

⁶¹ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 10. С. 197.

⁶² Там же. С. 201.

прекрасное и светлое, обретшим Бога сердцем, а не умом: «Это и есть вера, — пишет Паскаль, — не умом, а сердцем чувствовать Бога»⁶³.

Кириллов, напротив, несет печать «горестного ничтожества» и «бессилия» человека, не обретшего Бога, который, по Паскалю, неизбежно «впадает в отчаянье»⁶⁴. «Если бы вы узнали, что вы в Бога веруете, то вы бы и веровали; но так как вы еще не знаете, что вы в Бога веруете, то вы и не веруете»⁶⁵, говорит ему Ставрогин. Кириллов отчаянно хочет верить в Бога, но не может, ибо он, в отличие от Шатова, живет не сердцем, но разумом, который видит слишком много, чтобы отрицать, и слишком мало, чтобы уже ничем не смущаться, — в этом, по Паскалю, состоит главная трудность в признании божественного существования. Мысль эта выражена Иваном, который говорит Алеше, что его «ум эвклидовский, земной, а потому где нам решать о том, что не от мира сего. Да и тебе советую никогда об этом не думать: есть ли Он или нет. Все это вопросы совершенно несвойственные уму, созданному с понятием лишь о трех измерениях»⁶⁶. В центре разговора Алеши с Иваном — все то же паскалевское пари: «како веруеши али вовсе не веруеши?». Доводы Ивана отражают рассуждения Паскаля, который, обращаясь к своим друзьям — либертенам, живущим разумом, пытается именно с точки зрения разума доказать существование Бога: «Мы знаем, что бесконечность существует, но не знаем, какова ее природа. Равно как знаем, что числам не может быть конца и, следовательно, некое число должно выражать бесконечность. И это все, что нам о нем ведомо: оно так же не может быть четным, как нечетным, ибо ничего не изменится, если к нему прибавить единицу; вместе с тем оно — число, а любое число либо четно, либо нечетно (правда, это относится к числам конечным). Значит, человек вполне может знать, что Бог есть, и при этом не ведать его сути»⁶⁷. Сравним у Достоевского: «Если Бог есть,— рассуждает Иван,— и если он действительно создал землю, то, как нам совершенно известно, создал он ее по эвклидовой геометрии, а ум человеческий с понятием лишь о трех измерениях пространства. Между тем находились и находятся даже и теперь геометры и философы, и даже из замечательнейших, которые сомневаются в том, чтобы вся вселенная или, еще обширнее — все бытие было создано лишь по эвклидовой

⁶³ Паскаль Б. Мысли. № 481. С. 221.

⁶⁴ Там же. № 75. С. 30.

⁶⁵ Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 10. С. 189.

⁶⁶ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 14. С. 214.

⁶⁷ Паскаль Б. Мысли. № 451. С. 204.

геометрии, осмеливаются даже мечтать, что две параллельные линии, которые, по Эвклиду, ни за что не могут сойтись на земле, может быть и сошлись бы где-нибудь в бесконечности. Я, голубчик, решил так, что если я даже этого не могу понять, то где ж мне про Бога понять»⁶⁸. И Паскаль и Достоевский отказываются от разумных доказательств Бога, ибо только сердце убеждает нас в том, что существует некое «начало начал», «и равно смешно, равно бесплодно разуму требовать от сердца доказательств» его существования. «Вот почему те, кого Бог сподобил обрести веру по велению сердечного чувства, так счастливы, а их убеждения так неколебимы. Что же касается всех прочих, нам остается одно — склонять этих людей к вере доводами разума», — пишет Паскаль, но в случае с Кирилловым доводы разума, напротив, убеждают его в неверии: пытаюсь доказать существование Бога умом, он перестает чувствовать его сердцем. Мучаясь от неразрешимости данного противоречия, сознавая, что несчастен, он видит единственный выход в добровольной смерти.

Кириллов, вслед за Паскалем, рассуждает: «...если природа сотворена Богом, пусть неопровержимо подтвердит Его бытие <...>, пусть она убедит меня во всем или во всем разубедит, чтобы мне знать, чего держаться». Он жаждет постичь «что я такое и что мне должно делать», «обрести путь, который ведет к истинному благу»⁶⁹, но так и не находит его. Кириллов, подобно логическому самоубийце из «Дневника писателя», задает себе беспрерывно вопросы и не получает на них ответов, ибо «природа не только не признает за мной права спрашивать у нее отчета, но даже и не отвечает мне вовсе — и не потому, что не хочет, а потому, что и не может ответить»⁷⁰. Его, как и либертена Паскаля, «ужасает вечное безмолвие этих бесконечных пространств»⁷¹. «Зная, что завтра же все это будет уничтожено», что все обратится «в ничто, в прежний хаос», он «не может быть счастлив под условием грозящего завтра нуля». «А так как природу я истребить не могу, — заключает самоубийца, то и истребляю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого». Таков итог философских размышлений героя, убежденного в том, что «Бог необходим, а потому должен быть», и сознающего в то же время, «что его нет и не может быть»⁷².

⁶⁸ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 14. С. 214.

⁶⁹ Паскаль Б. Мысли. № 414. С. 185

⁷⁰ Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 23. С. 148.

⁷¹ Паскаль Б. Мысли. № 91. С. 47.

⁷² Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 10. С. 469.

Не веруя в «будущую вечную жизнь», Кириллов, в то же время отрицает смерть, провозглашая «здесьнюю вечную» жизнь, когда время остановится и «будет вечно»⁷³. По Достоевскому, как и по Паскалю, вера в Бога неотделима от веры в вечную жизнь, т. е., веря в вечную, пусть и названную им земной, жизнь, Кириллов не может не верить в Бога.

Таков же итог размышлений Ставрогина, который, по словам Кириллова, возвращающего его же парадокс, «если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что он не верует»⁷⁴ — все то же пари Паскаля: веровать или нет. Этот же парадокс — веры и неверия одновременно — подтверждает сам Ставрогин в разговоре с Шатовым, заявив, что «не лгал, говоря как верующий» и что «если бы веровал, то повторил бы это и теперь»⁷⁵. Ставрогин, как и Кириллов, ищет Бога, стремится обрести опору в жизни, но, как пишет Паскаль, «мы жаждем устойчивости, жаждем обрести наконец твердую почву и воздвигнуть на ней башню, вершиной уходящую в бесконечность, но заложенное нами основание дает трещину, земля разверзается, а в провале — бездна»⁷⁶. Ставрогину тоже не хватает разумных доказательств существования Бога — «чтобы сделать соус из зайца, надо зайца, чтобы уверовать в Бога, надо Бога», — вспоминает его прежние слова Шатов, напоследок обещая достать ему «зайца». Для того чтобы Ставрогин уверовал, нужен «заяц», нужно, чтобы «гора сдвинулась», нужны реальные, осязаемые доказательства. Его беда в том, что он не может до конца отказаться от «эвклидова ума» (по Достоевскому), «от поисков достоверных и незыблемых знаний» (по Паскалю), полагая, что человеческий разум не может найти опоры между двух бесконечностей. В том срединном месте, которое обречен занимать человек, все вводит его в обман: «Разум и чувства только и делают, что без зазрения совести говорят друг другу неправду»⁷⁷. По словам отца Тихона, атеист «стоит на предпоследней верхней ступени до совершеннейшей веры», по его глубокому убеждению Ставрогин верует в Бога и будет прощен и Богом и Христом, ибо «Духа Святого чтет, не зная его». «Как еще долог путь от познания Бога до любви к нему!» — восклицает Паскаль⁷⁸.

⁷³ Там же. С. 188.

⁷⁴ Там же. С. 469.

⁷⁵ Там же. С. 197.

⁷⁶ Паскаль Б. Мысли. № 84. С. 42.

⁷⁷ Там же. № 92. С. 48.

⁷⁸ Там же. № 476. С. 219.

В «Заключении» «Мыслей» Паскаль пишет⁷⁹: «Познают Господа люди либо наделенные смиренным сердцем и, независимо от их ума, великого или малого, любящие все малое», как Соня, Алеша, Шатов или Степан Верховенский, «либо люди, наделенные таким умом, что ясно видят, в чем истина, даже тогда, когда вовсе этого не желают» — таковы Иван и Ставрогин.

Здесь мы затрагиваем другую, важную для Паскаля и Достоевского дилемму: противоречие разума и сердца. Утверждая, что «величие человека — в его способности мыслить»⁸⁰, признаваясь, что не может представить себе человека, неспособного мыслить, призывая повиноваться во всем разуму, Паскаль в то же время признает неспособность человека руководствоваться разумом в своих поступках⁸¹, называет разум «вконец извращенным»⁸² и спесивым и призывает признать, что «существует множество явлений ему непостижимых»⁸³, ибо «у сердца немало своих собственных разумных <...> чувств, непостижимых разуму»⁸⁴. «Мы постигаем истину не только разумом, но и сердцем: именно сердце помогает нам постичь начало начал, и тщетны все усилия разума, неспособного к такому постижению, опровергнуть доводы сердца»⁸⁵.

Аналогичные идеи об «уме подлеце» мы находим и у Достоевского, который еще в своем студенческом письме к брату (31 октября 1838), публикуемом в антологии, пишет: «Чтоб больше *знать* (выделение Достоевского), надо меньше *чувствовать*, а обратно, правило опрометчивое, бред сердца. Что ты хочешь сказать словом *знать*? Познать природу, душу, Бога, Любовь... Это познается сердцем, а не умом. <...> Мысль зарождается в душе»⁸⁶. Для обоих «философия есть та же поэзия, только высший градус ее»⁸⁷, обоих не устраивают те «математические формулы», которые лежат в основе «современной философии», будь то век XIX или XVII — «насмехаться над философствованием и есть истинная философия»⁸⁸. Именно с этой мыслью связано первое упоминание имени французского философа Достоевским,

⁷⁹ Там же. № 839. С. 417–418.

⁸⁰ Там же. № 257. С. 114.

⁸¹ Там же. № 422. С. 187.

⁸² Там же. № 230. С. 104.

⁸³ Там же. № 466. С. 214.

⁸⁴ Там же. № 477. С. 219.

⁸⁵ Там же. № 478. С. 219.

⁸⁶ Достоевский Ф. М. Письма 1832–1859 // Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 28. Кн. 1. С. 53–54.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Паскаль Б. Мысли. № 24. С. 16.

который пишет в письме брату 9 августа 1838 г.: «Раз Паскаль сказал фразе: кто протестует против философии, тот сам философ. Жалкая философия!»⁸⁹ Цитируя по памяти, он искажает смысл паскалевского утверждения, по сути столь близкого его собственной философии.

«Человека всегда раздирает междоусобица разума и страстей. Будь ему дан один только бесстрастный разум... Будь ему даны одни только безрассудные страсти...»⁹⁰: диалектическое единство сердца и разума у обоих мыслителей является отражением внутренней двойственности человека, его величия и ничтожества одновременно. «Ну, не фантастическое ли существо являет собой человек! Невидаль, чудище, хаос, клубок противоречий, диво дивное! Судия всему сущему, безмозглый червь, вместилище истины, клоака невежества и заблуждений, гордость и жалкий отброс Вселенной»⁹¹, — восклицает Паскаль, полагая, что человек должен сознавать двойственность своей природы, свою одновременную причастность и к ангелам и к животным⁹².

Розанов пишет, что у Достоевского сливаются «глубокое сознание человеческой слабости, граничащее с презрением к человеку, и одновременно любовь к нему»⁹³. Эта внутренняя двойственность особенно наглядно проявляется в беседе черта с Иваном, в «Двойнике» или «Записках из подполья», герой которых провозглашает высокое значение человеческой личности и свободы, но при этом прекрасно понимает, что «исторический человек неблагонаправлен и неблагоразумен». Мечтая стать героем, он превращается в антигероя⁹⁴.

«Ты судил о людях слишком высоко, — говорит Великий инквизитор, — ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками». «Ты вознес их и тем научил их гордиться», хотя человек «слаб и подл», удел его — «неспокойство, смятение и несчастье»⁹⁵. Но Великий инквизитор говорит так, ибо в Бога не верует. Так же и по Паскалю: человек без Бога «чувствует, что заблудился, что упал от туда, где было истинное место», он «блуждает в непроглядной тьме»⁹⁶,

⁸⁹ Достоевский Ф.М. Письма 1832–1859 // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 28. Кн. 1. С. 50.

⁹⁰ Паскаль Б. Мысли. № 316. С. 134.

⁹¹ Там же. № 438. С. 194.

⁹² Там же. № 329. С. 137.

⁹³ Розанов В. «Легенда о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского. М.: Республика, 1996. С. 103.

⁹⁴ Михновец Н. «Записки из подполья»: проблема пути // Достоевский Ф.М. Записки из подполья. СПб., 2010. С. 38.

⁹⁵ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 14. С. 233–234.

⁹⁶ Паскаль Б. Мысли. № 275. С. 118–119.

но философ порицает как того, кто только восхваляет человека, так и того, кто вечно его порицает; он — на стороне тех, что тяжко стенамя неустанно ищет, как делают это герои Достоевского — «мыслящие тростники», «слабейшие из творений природы»⁹⁷, в которых разумное и духовное получает чрезмерное развитие за счет физического и телесного: лихорадка Раскольникова, галлюцинации Ивана, нервное расстройство Ставрогина. Но, несмотря на свою слабость, «человек все равно возвышеннее своей погубительницы (Вселенной. — В.А.), ибо сознает, что расстаётся с жизнью и что он слабее Вселенной, а она ничего не осознает», — так заканчивает Паскаль свое знаменитое рассуждение о тростнике. Человек Паскаля, как и герои Достоевского, проваливается в бездну, «не отрывая глаз от неба»⁹⁸.

«Я» хочет быть великим, но сознает, что ничтожно; хочет быть счастливым, но сознает, что несчастно; хочет быть совершенным, но сознает, что полно несовершенств»⁹⁹. «Для каждого человека все сущее заключено в нем самом, — развивает свою мысль Паскаль, — потому что, когда он умирает, для него умирает и все сущее. Вот он и мнит, что для всех он тоже все сущее. Будем же судить о природе исходя не из нас, а из нее самой». Паскаль утверждает, что «я» способно любить только себя и печься только о себе¹⁰⁰. «Отвлеченно еще можно любить ближнего <...>, но вблизи почти никогда»¹⁰¹, — говорит Иван, и Достоевский развивает эту мысль в своих записках: «Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, — невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек. <...> высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, — это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье. <...> Это-то и есть рай Христов»¹⁰². Голоса обоих мыслителей в очередной раз сливаются в слаженный дуэт при размышлении о человеке и его месте во Вселенной. «Ибо в конечном счете что же он такое — человек во Вселенной? Небытие в сравнении с бесконечностью, все сущее в сравнении с небытием, нечто среднее

⁹⁷ Там же. № 264. С. 115.

⁹⁸ Там же. № 429. С. 189.

⁹⁹ Там же. № 130. С. 65.

¹⁰⁰ Там же. № 139. С. 71.

¹⁰¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 14. С. 216.

¹⁰² Паскаль Б. Мысли. № 393. С. 172.

между всем и ничем»¹⁰³, — размышляет Паскаль. «Кто я на земле? и что такое эта земля? и зачем все, что делаю я и другие?» — вот слова, которые, как полагает Розанов, слышатся сквозь «Легенду о Великом инквизиторе».

Но этими вопросами задаются не все: то стадо, которое изображает Великий инквизитор, и для которого свобода — «страшный дар, принесший только муки», те, кто прижимается в страхе, трепещет, с робкими умами и слезоточивыми глазами, те, кто тихо умрет и обрящет лишь смерть, «ибо если б и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они», весь этот страшный, но счастливый в своем покорстве и бездумии мир, руководствующийся чужой волей, будет доволен своим низменным уделом. «Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла» — так Великий инквизитор видит идеальную жизнь людей, не задумывающихся над величием и изменностью своей природы. Так рисует новый мир и черт, полагая, что достаточно разрушить идею о Боге и тогда будет «все дозволено», тогда «люди совокупятся, чтобы взять от жизни все, что она может дать, но непременно для счастья и радости», тогда всякий узнает, что он «смертен весь» и «примет смерть гордо и спокойно». «Он из гордости поймет, что ему нечего роптать за то, что жизнь есть мгновение», но «одно сознание ее мгновенности усилит огонь ее настолько, насколько прежде расплывалась она в упованиях на любовь загробную и бесконечную»¹⁰⁴. Так будет, если люди перестанут задумываться над «первыми» и вечными вопросами о Боге и бессмертии, а для этого надо устроить их жизнь «как детскую игру», можно и грех разрешить, лишь бы они не задумывались о своей «горестной судьбе», любые развлечения хороши, если они уводят «прочь от подобных раздумий». «Попробуйте лишить монарха развлечений, — пишет Паскаль, — предоставить мыслям, долгим раздумьям о том, кто же он такой в действительности, — и это беззаботное счастье рухнет, монарх невольно вспомнит о грозящих ему бедах, <...>; вот тогда-то и окажется, что лишенный так называемых развлечений монарх несчастен»¹⁰⁵.

«Кто я на земле? И что такое эта земля? И зачем все, что делаю я и другие» — эти паскалевские вопросы слышатся, по мысли В. Розанова, сквозь «Легенду о Великом инквизиторе»¹⁰⁶.

¹⁰³ Там же. № 84. С. 38.

¹⁰⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 14. С. 233–236.

¹⁰⁵ Паскаль Б. Мысли. С. 90.

¹⁰⁶ Розанов В. Указ. соч. С. 101.

Общность двух мыслителей объясняется единством главного прецедентного для обоих текста — Писания, и произведения Достоевского можно было бы объединить под общим названием — «Апология христианской религии», тем самым, которое собирался дать своим «Мыслям» Паскаль, если бы успел завершить их.

Имя Л. Н. Толстого встречается в трех разделах нашей антологии: он помещает избранные мысли Паскаля в «Путь жизни» и «Круг чтения», где также публикует статью, посвященную французскому мыслителю, и обращается к его идеям в своем художественном творчестве. Особенности восприятия Л. Н. Толстым идей Паскаля посвящена статья Б. Н. Тарасова, помещенная в первом разделе данного издания.

Среди русских мыслителей и писателей после Л. Н. Толстого имя Паскаля чаще всего упоминает А. И. Герцен. Письма, «Колокол», «Былое и думы», «С того берега» — вот далеко не полный список трудов Герцена, в которых в той или иной связи появляется автор «Мыслей», причем всякий раз паскалевская цитата, порой не совсем точная, служит отправной точкой для глубочайших размышлений Герцена.

Действие рассказа «Первая встреча» (1836) происходит в русском салоне в начале 1830-х гг. Центральным эпизодом, обрамленным светской беседой в гостиной, явились воспоминания «путешественника» о встречах с Гёте. В рассказе ставилась важнейшая для формирования эстетических взглядов Герцена проблема взаимоотношения искусства и реальности. Герцен подчеркивает необходимость тесно связать поиски идеала с изучением живой действительности, призывает не подменять абстрактными построениями деятельной борьбы за воплощение своих стремлений. Большое значение Герцен придавал заключительным строкам рассказа — упоминанию лорда Гамильтона, который, «проведя целую жизнь в отыскивании идеала изящного между куском мрамора и натянутым холстом», кончил тем, что «нашел его в живой ирландке», при этом он не раз обращал внимание на то, что в заключительные строки рассказа им вложена «мысль чисто политическая» и что эта мысль «разом выражает все расстояние сухих теоретических изысканий права и энергической живой деятельности, деятельности практической». В конце рассказа трижды упоминается имя Паскаля, с веком которого автор сравнивает век нынешний, «который похож на Паскаля, не на Паскаля всегда (слишком много чести), а на Паскаля в те минуты, когда он принимал Христову веру потому, что не отвергал ее»¹⁰⁷. Любопытно, что

¹⁰⁷ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1956. Т. 1.

Герцен, весьма критически относившийся к религии, вспоминает здесь знаменитое уже упоминавшееся выше пари Паскаля, которое он разрешает, не прибегая к абстрактным схемам, но обращаясь к реальной действительности — именно это и было важно для Герцена, а потому упоминание Паскаля является не менее значимым, чем отсылка к Гамильтону.

Книгу «С того берега» рассматривают как насыщенный глубоким теоретическим содержанием лирический рассказ автора о своем «логическом романе», об идейных исканиях после поражения революции 1848 г. В этом важнейшем философском документе Герцена, развивающем его диалектическое убеждение в «невозможности остановить движение» и понимание того, что человечеству для его развития «надобно широкую дорогу» в очередной раз упоминается Паскаль. В диалоге «Перед грозой», где автор высказывает свою идейную позицию в споре с «мечтателем и идеалистом», знаменитая мысль Паскаля о развлечениях играет очень важную роль. «Паскаль говорил, что люди играют в карты для того, чтоб не оставаться с собой наедине. Мы постоянно ищем таких или других карт, соглашаемся даже проигрывать, лишь бы забыть дело. Наша жизнь — постоянное бегство от себя, точно угрызения совести преследуют, пугают нас». Из объемного отрывка Паскаля¹⁰⁸ Герцен выхватывает лишь одно мелкое замечание о картах, однако весь дальнейший ход его рассуждений в точности следует за размышлениями французского философа, более того, можно сказать, что он создает свою вариацию паскалевской мысли, заменяя охоту, игры, женщин и войны «вином, нумизматикой, картами, скачками, женщинами, скупостью, благодеяниями». Герцен по-своему перефразирует мысль Паскаля о том, что «все мы ищем не того мирного и ленивого существования, которое оставляет сколько угодно досуга для мыслей о нашей горестной судьбе, не военных опасностей и должностных тягот, но треволнений, развлекающих нас и уводящих прочь от подобных раздумий»¹⁰⁹. Герцен, так же как и Паскаль, полагает, что человек не должен скрывать от себя правду о мире, ведь даже если не думать о смерти, нищете и невежестве, они не исчезнут.

В «Прививке конституционной оспы» рассуждение о том, что русские в мыслях переживали «вековые драмы западного развития, жили ими, страстно принимали их к сердцу, страдали их прошедшими страданиями — надеялись их надеждами», вызывает в памяти автора образы спящих царя и пастуха: «царь, спящий полсуток и видящий

¹⁰⁸ Паскаль Б. Мысли. № 205–207. С. 89–96.

¹⁰⁹ Там же. № 205. С. 90.

во сне, что он пастух, и такой же сонливый пастух, так же видящий во сне, что он царь, — равны». Паскаль пишет: «Если бы ремесленник твердо знал, что каждую ночь, двенадцать часов сряду, будет грезить, что стал королем, думаю, он был бы почти так же счастлив, как король, которому каждую ночь, двенадцать часов сряду, снилось бы, что он стал ремесленником»¹¹⁰. Далее Герцен размышляет о том, насколько близко к сердцу русские принимали все события французской революции: «Мы обижались, что *иностранцы* посадили Бурбонов на трон, и плакали с Беранже¹¹¹ о утраченном знамени», что логично подводит его к основной мысли статьи — о прививной оспе: «Все эти сны — сны революции, сны философии, сны поэзии — были долею наяву, и в этом-то их важность. Прививная оспа все же действительная оспа, несмотря на то, что она слаба, снята с другого организма и не заставляет сильно страдать. Если б этого не было, она не предохраняла бы от натуральной, она не имела бы смысла».

Знаменитая мысль Паскаля о носе Клеопатры в статье «С Континента» Письмо из Неаполя от 5 октября 1863 г. «Нос Клеопатры: будь он чуть короче, весь облик Земли был бы сегодня иным»¹¹² ведет Герцена к размышлениям о геополитике, о важности для города или страны ее географического положения. Используя паскалевскую мысль для собственных нужд, Герцен переделывает ее: «Паскаль говорит, что если б у Клеопатры линия носа была другая, то судьбы древнего Рима были бы иные», ведь ему важно подчеркнуть не размеры, но именно очертания. «Шутка — линия носа! — продолжает он. Линия вообще! Отнимите у Неаполя линию моря, линию гор, полукруг его залива, что же останется? <...> А с ними, с этими линиями, будущность Неаполя обеспечена».

Обращаясь к «Мыслям» Паскаля, Герцен всякий раз подчеркивает в них именно то, что важно для него. Меняя форму, но не искажая при этом глубинного смысла идей французского философа, русский мыслитель умеет увидеть в нем своего единомышленника: мысли Паскаля становятся трамплином для параболического полета мыслей Герцена.

И. С. Тургенев, не слишком чествующий идеи французского религиозного мыслителя — «у меня свело оскоминой рот от этого чтения», — в то же время восхищается его художественным мастерством — «Какой свободный, сильный, дерзкий и могучий язык!» —

¹¹⁰ Там же. № 380. С. 167.

¹¹¹ Беранже Пьер Жан де (1780–1857) — французский поэт и сочинитель песен, известный прежде всего своими сатирическими произведениями.

¹¹² Паскаль Б. Мысли. № 180. С. 81.

и своеобразно обращается к его наследию в творчестве. Сложность и неоднозначность тургеневского отношения к Паскалю, а также особенности его восприятия идей французского мыслителя глубоко анализируются Г. Я. Стрельцовой в разделе ее монографии «Паскаль и европейская культура» «Атеистическая традиция. И. С. Тургенев», который помещен в первой главе настоящего издания.

В 1887 г., перечитав «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстой сообщает в письме П. И. Бирюкову: «Очень меня заняла последнее время еще Гоголя переписка с друзьями. Какая удивительная вещь! За 40 лет сказано, и прекрасно сказано, то, чем должна быть литература. Пошлые люди не поняли, и 40 лет лежит под спудом наш Паскаль». Толстой, как никто знавший и чувствовавший Паскаля, очень точно подметил родство между двумя гениальными мыслителями, которое проявилось не только в общности мировоззрения, но даже и в самой жизни. Гоголь, как и Паскаль, переживает кризис, вызванный болезнью, в результате которого у него «постепенно вырабатываются аскетические устремления и все яснее вырисовывается христианский идеал»¹¹³, в результате чего и появились «Выбранные места из переписки с друзьями». Это произведение считается центральной вещью позднего Гоголя, «в которой, как в фокусе, собраны и сконцентрированы все проблемы его писательской и личной биографии»¹¹⁴. «Мысли» Паскаля, как известно, также появились после пережитого им «озарения» в ночь с 23 на 24 ноября 1654 г. Паскаль, так же как и Гоголь, на протяжении многих лет страдал от физических и душевных мучений, из которых он желал извлечь пользу, как он пишет в своей «Молитве, чтобы Бог дал мне употребить болезни во благо», перекликающейся с гоголевским «Значением болезней» из «Выбранных мест». Гоголь составляет свое произведение из отрывков писем разным людям в разное время — та же фрагментарность отличает и «Мысли» Паскаля, которые, в отличие от творения Гоголя, остались несистематизированными. «Выбранные места из переписки с друзьями» были задуманы как цельное сочинение. Архимандрит Феодор (Бухарев), едва ли не единственный, кто пытался рассмотреть предмет книги, писал, что мысли Гоголя, «как они по внешнему виду ни разбросаны и рассеяны в письмах, имеют строгую внутреннюю связь и последовательность, а потому представляют стройное целое»¹¹⁵. Выделим

¹¹³ Вороняев В. А. «Монастырь ваш — Россия» // Гоголь Н. В. Духовная проза. М.: Русская книга, 1992. С. 5.

¹¹⁴ Там же. С. 17.

¹¹⁵ Там же. С. 25–26.

три кардинальных понятия, отсылающих нас к Паскалю: «мысли», «разбросанность», «внутренняя связь». Далее Бухарев выделяет в книге три раздела, из которых отметим первый, общий с Паскалем: «о бытии и нравственности, о судьбах рода человеческого, о Церкви, о России, о современном состоянии мира»¹¹⁶. Таким образом, Паскаля и Гоголя волнуют одни и те же проблемы, которые они пытаются решить, обратившись к Богу. Гоголь, уверяющий, что «Без любви к Богу никому не спастись», полагающий, что «ум, вразумленный Богом, может сделать кое-что получше того ума, который не вразумлен им», утверждающий, что «Кто с Богом, тот глядит светло вперед и есть уже в настоящем творец блистающего будущего», как нельзя более близок к «Мыслям» Паскаля. Исследователи указывают на то, что книга Гоголя «ориентирована, прежде всего, на апостольские послания», в ней прослеживаются влияние жанра исповеди — от Блаженного Августина до Руссо, видят эпистолярное начало¹¹⁷, что не вызывает никаких сомнений, однако и паскалевский след заметен в этом творении, автор которого, как и Паскаль, выступает «как проповедник, духовный учитель, способный указать всем путь спасения»¹¹⁸.

Но «русским Паскалем» был не только Гоголь, но и П. Флоренский, о котором Розанов писал в своем письме к Спасовскому (11 апреля 1918): «Это — Паскаль нашего времени. Паскаль нашей России». «Обвал» — внезапное озарение, случившееся с Флоренским, когда он разочаровывается в своем увлечении науками, очень напоминает «ночь огня», когда был записан знаменитый «Амулет» Паскаля, к которому Флоренский обращается в своей диссертации «Столп и утверждение истины». Знаменательным представляется общий путь двух величайших мыслителей от точных наук к религии и тем интереснее проследить восприятие одним идей другого.

Русский просветитель Новиков, по словам Г. Я. Стрельцовой, развивает одну из главнейших идей Паскаля — «величие человека», отнюдь не акцентируя внимания на его «ничтожестве». «Однако, в отличие от Паскаля, рассматривавшего человека в качестве “атома”, затерянного в бесконечных просторах вселенной, Новиков ставит человека в центр природы как самое совершенное творение Бога, как “цель всего мира”»¹¹⁹. Как и Паскаль, Новиков предупреждает об опасности завышенного мнения о себе, проводит различие

¹¹⁶ Там же. С. 26.

¹¹⁷ Там же. С. 29.

¹¹⁸ Там же. С. 29.

¹¹⁹ Стрельцова Г. Н. Русское Просвещение. Н. И. Новиков // Паскаль и европейская культура.

достоинства человека «по природе» и «по установлению». «Новиков развивает и другую идею Паскаля — о всеобщей и универсальной связи в мире — причем применительно к человеку, который в природном плане есть “часть бесконечной цепи действительно существующих веществ”, а в социальном — гражданин своего отечества, “сочеловек” среди других людей, которым он служит и стремится быть полезен. Посему он не только “цель всего мира”, но и “средство” в нем, иначе он уподобился бы шмелю, который поедает мед у пчел, а сам его не производит»¹²⁰.

А. С. Хомякова, который считал Паскаля своим учителем, роднит с французским философом не только энциклопедичность познаний, критика рационализма и противопоставление ему «пути сердца», но и обращение к проблемам церкви и религии¹²¹. «Я исполнил долг, заступившись за Церковь против ложных обвинений», — пишет он, как вполне мог бы написать и автор «Писем к провинциалу», также обличавший папизм и его софистику, «искажение текстов через выхваченные из целого или неточные цитаты» (Новиков). Форма писем, живой характер изложения, использование диалога, характерные для русского мыслителя, заставляют вспомнить Паскаля.

Форму писем для своих «философических» размышлений, в частности о важнейшей для человека проблеме бессмертия, выбирает и Чаадаев, который называет душу и Бога двумя «абсолютными бесконечностями»: отсылки к Паскалю очевидны.

Над этой же мыслью о двух бесконечностях размышляет В. А. Жуковский: к ее толкованию он неоднократно возвращается в своих набросках¹²² и развивает в «Двух сценах из “Фауста”» (1849). «Человек в бесконечности — что он значит?» — задает себе этот паскалевский вопрос Жуковский, размышляя об относительности всего в мире, о величии и ничтожестве человека, жизнь которого есть «невидимая математическая линия, между двумя безднами идущая, между безначальностью и бесконечностью». Сравним у Паскаля: человек «равно не способен постичь небытие, из которого был извлечен, и бесконечность, которая его поглотит»¹²³.

И. М. Семенко связывала с кризисом в мировоззрении Батюшкова после потрясений 1812 г. его отказ «от маленькой» гедонистической философии и эпикуреизма и представила его эволюцию как движе-

¹²⁰ Там же.

¹²¹ См.: Тарасов Б. Н. А. С. Хомяков и Паскаль // Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник».

¹²² См.: Тарасов Б. Н. Мыслящий тростник. С. 250.

¹²³ Паскаль Б. Мысли. № 84. С. 38.

ние от Монтеня к Паскалю¹²⁴. Поворот Батюшкова к религиозности, углубление его пессимистического взгляда на мир и человека отразились в его «Опытах в стихах и прозе», где он развивает поистине паскалевскую философию сердца.

С. С. Глаголев в своей статье, помещенной в «Богословском вестнике», проводит параллели между религиозными представлениями Паскаля и православной религией, что во многом позволяет понять то глубокое влияние, которое французский янсенист оказал на русских религиозных философов.

Полемизируя с Паскалем в том, что тот отказывается от разума, признавая высшим суд Божий, Л. Шестов, полагавший, что для философа — прежде истина, потом Бог, видит в нем своего союзника в борьбе с секулярной мыслью. В своей работе «Афины и Иерусалим» (1938; русский текст — 1951), основная тема которой — антиномичность знания и веры, Л. Шестов ставит в один ряд с Паскалем Достоевского, Ницше и Кьеркегора, которые, по мнению мыслителя, не хотели мириться с вечными истинами и основанной на них мудростью. «Паскалю удивляются и проходят мимо него», — пишет он в книге «На весах Иова», задаваясь вопросом о том, чему можно научиться у человека XVII столетия. Шестов предупреждает читателя о том, что от Паскаля не надо ждать снисходительности, ибо «он бесконечно жесток к себе, он так же бесконечно жесток к другим. Если вы хотите искать с ним — он вас возьмет с собой, но он вперед заявляет вам, что эти искания не принесут вам радостей. Его истины, то, что он называет своими истинами, жестоки, мучительны, беспощадны. Он не несет с собою облегчения и утешения. Он всякого рода утешения губит. Достаточно человеку остановиться, чтобы отдохнуть и прийти в себя, Паскаль тут как тут со своей непрекращающейся тревогой. Нельзя останавливаться, нельзя отдыхать: нужно идти, идти — без конца идти вперед». К этому же призывает и Шестов в завершении главы «Гефсиманская ночь», где философ глубоко и всесторонне анализирует «Мысли» и «Провинциальные письма», проводя между ними параллели, обращая внимание на неординарность паскалевского мышления, указывая на современность его идей. Завершая эпиграфом к главе, взятым из Паскаля: «Иисус будет в смертельном муках до конца мира: не должно спать в это время» (фр.) — Паскаль, «Тайна Иисуса» (из «Мыслей»)¹²⁵, философ тем самым выделяет главную

¹²⁴ Семенко И. М. Батюшков и его «Опыты» // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 469.

¹²⁵ Паскаль Б. Мысли. № 736. С. 361. «Иисус будет терпеть муку до скончания света. Все это время не должно спать».

свою мысль и призывает: «Нельзя быть спокойным, нельзя спать. Не всем нельзя — а лишь некоторым, редким “избранныкам” — или “мученикам”. Ибо если и они уснут, как уснул в достопамятную ночь великий апостол, то жертва Бога окажется напрасной и в мире окончательно и навсегда восторжествует смерть».

В своей статье «Проблема человека (К построению христианской антропологии)»¹²⁶ Н. А. Бердяев писал, что для специфической проблемы человека ему гораздо «более интересны бл. Августин или Паскаль, чем Фихте или Гегель», ибо именно Паскаль «с наибольшей остротой» выразил двойственность самосознания и самочувствия человека, который одновременно и «низок и высок, ничтожен и велик». Бердяев развивает многие идеи Паскаля, например о том, что человек может и должен определить себя прежде всего в отношении к Богу: «Лишь в обращении к Богу он находит свой образ, возвышающий его над окружающим природным миром. И тогда только находит он в себе силу быть творцом в мире». Или о том, что «человек должен жить, зная, что умрет. Смерть есть самый важный факт человеческой жизни, и человек не может достойно жить, не определив свое отношение к смерти». А как по-паскалевски звучит тезис Бердяева о том, что «бессмертие — богочеловечно»!

Как и для Гоголя и Флоренского, для Бердяева очень важным оказывается пережитая им «религиозная драма», момент «резкого обращения», когда перед ним вдруг «блеснул свет», точно так же как некогда это произошло с Паскалем. Мы публикуем отрывок из «Самопознания», изображающий именно этот момент, столь важный для понимания философии Бердяева.

Восхищаясь «правдивостью, силой и пронизательностью религиозной мысли Паскаля», С. Л. Франк не принимает его знаменитого «пари», видя в нем странное и кощунственное заблуждение. Вероятно, это непонимание вызвано тем, что философ забывает, для кого писал свою «Апологию» Паскаль и к кому он в ней обращался. Здесь уместно вспомнить Поля Валери (1871–1945), который в 1923 г. к трехсотлетию Паскаля пишет «Вариацию одной мысли»¹²⁷, где автор суровейшим образом критикует Паскаля-христианина, не нашедшего Бога в небесах и провозгласившего «Меня ужасает вечное безмолвие этих бесконечных пространств». Валери, как ни странно,

¹²⁶ Бердяев Н.А. Проблема человека // Путь. 1936. № 50. С. 3–26.

¹²⁷ Valéry P. Variation sur une Pensée // Valéry P. Variété I. Paris, 1924. P. 118–129. В 1941 г. Валери предложил свой антонимичный перевод паскалевской мысли: *Le vacarme intermittent des petits coins où nous vivons nous rassure. (Tel Quel, 1941) — «Прерывистый шум закоулков, в которых мы живем, успокаивает нас».*

не понял Паскаля, выразившего в этой мысли тягостное состояние человека отпавшего от Бога, того самого либертена, для обращения которого и писалась «Апология христианской религии». К этой идее обращается и Франк, который также тягостно осознает «покинутость, бездомность человеческой души в равнодушном к ней, бесчувственном мире слепых и злых сил». Для самого же Паскаля, как и для Франка, идея о бессмертии непреложна, она вытекает «из веры как религиозного опыта в описанном выше смысле — из опыта нашей укорененности в Боге и нераздельного единства с Ним, — *мы достоверно знаем другое: знаем вечность нашей души*».

По Б. Вышеславцеву, автору книги «Значение сердца в религии», религия познается не разумом, но сердцем, как об этом писал Паскаль. Для него, так же как и для мыслителя XVII в., неверие в Бога равнозначно неверию в самого себя, неверию в свою абсолютную ценность и в свою абсолютную вечность. Г. Я. Стрельцова открывает свою главу «Метафизика сердца», помещенную в нашей антологии, такими словами: «По сравнению с западноевропейской “культурой разума” русские создали удивительную “культуру сердца”. “Философия сердца” Паскаля получила в ней самый живой отклик и сокровенное понимание». Ученый демонстрирует своеобразие этого «сокровенного понимания» на примере философских идей Б. П. Вышеславцева, П. А. Флоренского, С. Л. Франка и П. Д. Юркевича.

Заключает главу работа С. С. Аверинцева «Два рождения европейского рационализма», в которой предлагается широкий и глубокий обобщающий анализ философских тенденций, не последнее место среди которых занимают и идеи Паскаля.

И, наконец, последняя глава нашей антологии «Мыслящий тростник в русской поэзии» посвящена целой литературной традиции использования знаменитого паскалевского образа от глубокого и проникновенного тютчевского восприятия до предельно сниженных пародийно-шутовских четверостиший Губермана и Халтомы. Конечно, взыскательного читателя может оскорбить столь неравнозначное соседство, но, увы, нашей эпохе не до философских раздумий!

«И ропщет мыслящий тростник?» — эта строка Тютчева в России, наверное, известна не меньше, чем само изначальное паскалевское, ставшее хрестоматийным, сравнение человека с мыслящим тростником. Интересно, откуда же взялся этот образ?

Традиционно метафора связывается с библейским противопоставлением силы Иоанна Крестителя слабости колеблемого ветром тростника: «...что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром

колеблемую?» — спрашивает Иисус (Мф 11: 7). Можно найти и указания на то, что образ этот был якобы подсказан Паскалю его старшим другом, математиком Дезаргом, который также явился вдохновителем «Трактата о конических сечениях», не менее знаменитого в своих кругах, чем «мыслящий тростник». Ничего более конкретного найти не удалось. Любопытно, что при всем обилии работ о «Мыслях» Паскаля (во Франции, разумеется), эта самая известная метафора не была глубоко исследована, хотя Паскаль дважды использует этот образ, углубляя и оттачивая свою мысль. «Мыслящий тростник. Наше достоинство — не в овладении пространством, а в умении здраво мыслить. Я ничего не приобретаю, сколько бы ни приобретал земель: с помощью пространства Вселенная охватывает и поглощает меня, как некую точку; с помощью мысли я охватываю всю Вселенную»¹²⁸.

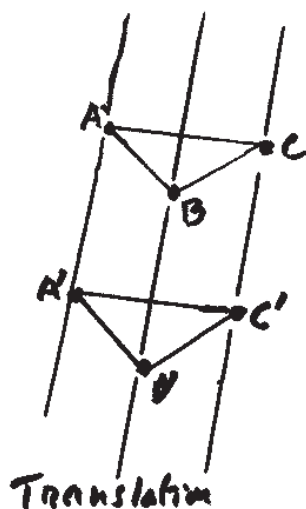
И только после этого (№ 186 по Ле Герну): «Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не нужно, чтобы на него ополчилась вся Вселенная: довольно дуновения ветра, капли воды. Но пусть бы даже его уничтожила Вселенная, — человек все равно возвышеннее своей погубительницы, ибо сознает, что расстается с жизнью и что он слабее Вселенной, а она ничего не сознает»¹²⁹. Этот отрывок однозначно и справедливо признается самым совершенным и отточенным из всех, порой обрывочных и недосказанных «бумаг мертвеца», которые, как писал первый их издатель, племянник Паскаля, могут дать лишь очень «грубое» представление о замысле мыслителя.

Библейская аллюзия ясна и прозрачна, однако Паскаль противопоставляет тростник, колеблемый ветром, тростнику мыслящему, утверждая, что вся сила человека в его «способности мыслить» — сквозная идея всех паскалевских размышлений.

Для того чтобы понять, в какой степени Паскаль обязан Дезаргу (1591–1661), пришлось обратиться к математическим трудам этого великого ученого, основоположника проективной и начертательной геометрии. В своих трактатах — «Трактат о перспективе» (*Traité de la perspective*, 1636), «Трактат о конических сечениях» (*Traité des sections coniques*, 1639) — математик использует весьма специфическую собственную терминологию, почерпнутую из ботаники: так, прямые, на которых расположены точки сечения, он называет «стволом», каждую из прямых, составляющих ствол, — «ветвью вербы» и т. п.

¹²⁸ Паскаль Б. Мысли. № 265. С. 116. *Pascal B. Pensées*. P.: Gallimard, 2004. M. Le Guern. P. 106. № 104.

¹²⁹ Там же. № 264. С. 115.

Тростник, правда, он не упоминает, однако от французского *rameau* — верба до *roseau* — тростник всего лишь один шаг — и в звучании и в самом образе, — сделанный Паскалем, который, кстати, использует дезарговский термин «узла» в своих рассуждениях о первородном грехе. В «Фундаментальном предложении об использовании перспективы» Дезарг пишет, что понятия сильного и слабого не абсолютны, но относительны, все зависит от взгляда, перспективы¹³⁰. Паскаль безусловно был вдохновлен и этой научной идеей своего наставника и его своеобразной терминологией, которые сплелись в единый узел в знаменитой метафоре.

Наконец обращусь и к чисто литературной традиции, восходящей к басне Эзопа «Дуб и тростник»: «Дуб и тростник спорили, кто сильнее. Подул сильный ветер, тростник дрогнул и пригнулся под его порывами и оттого остался цел; а дуб встретил ветер всей грудью и был выворочен с корнем. С сильнейшими не следует спорить». Сильнейшим у Эзопа является не только ветер, но и тростник, как и у Паскаля, который оказывается более хитрым — умным. Эта басня, несомненно, была известна Паскалю, равно как и его знаменитому соотечественнику и современнику Ж. де Лафонтену, написавшему свое поэтическое переложение в 1668 г. Баснописец, который считал это произведение своим шедевром, не мог знать «Мыслей» Паскаля, опубликованных впервые лишь в 1670 г. Видимо, образ слабого, но стойкого тростника просто витал в воздухе того времени!

Несколько слов о русских переводах знаменитого образа. Французская лексема *roseau* (m) представляет собой родовое название для группы однодольных растений, произрастающих на берегу прудов, и на русский язык может быть переведена как «тростник» и «камыш».

¹³⁰ Desargues G. Oeuvres: In 2 t. P., 1861. T. 1. P. 99–100.

Ни один из переводчиков Паскаля не использует второй вариант, вероятно, стремясь сохранить библейскую аллюзию и полагая, что тростник звучит поэтичнее, хотя некоторые, в том числе и первый переводчик И. Бутовский (1843), предлагают чисто русскую реалию «слабой былинки». Образ тростника, который мыслит¹³¹, появляется впервые в переводе П. Д. Перова, вышедшем в 1889 г.: «Человек не что иное, как тростник, очень слабый по природе, но этот тростник мыслит». «Тростник мыслит», конечно, похоже на «мыслящий тростник», но не то же самое! Откуда же в России взялся «мыслящий тростник»? Ответ на этот вопрос — в стихотворении Тютчева «Певучесть есть в морских волнах», написанном 11 мая 1865 г., где впервые появляется эта метафора. И это не случайно: неоднократно отмечалось глубокое воздействие идей французского философа на русского поэта, который полагал, что «Единственная философия, совместимая с христианством, целиком содержится в Катехизисе. Необходимо верить в то, во что верил святой Павел, а после него Паскаль, склонять колена перед Безумием креста или же все отрицать. Сверхъестественное лежит в глубине всего наиболее естественного в человеке. У него свои корни в человеческом сознании, которые гораздо сильнее того, что называют разумом, этим жалким разумом, признающим лишь то, что ему понятно, то есть ничего!»¹³² Как тут не вспомнить призыв Паскаля: «Смирись, бессильный разум!» и его знаменитое пари.

Б. Н. Тарасов в статье «Тютчев и Паскаль (Антиномии бытия и сознания в свете христианской теологии)» пишет, что «знакомство Тютчева с творчеством Паскаля состоялось еще в студенческие годы», когда он начинает с увлечением читать авторов, писавших о божественности Иисуса Христа, в том числе и Паскаля, что отмечено в дневниковой записи М. П. Погодина (9 августа 1820). А в Рождество 1860 г., поэт дарит своей двадцатилетней дочери Марии, склонной к самоуглублению и нравственным исканиям, две книги Паскаля — «Мысли» и «Письма к провинциалу»¹³³. «Зная Паскаля, перелистайте Тютчева, — предлагают в своей книге о Паскале Кляус Е. М., Погребысский И. Б., Франкфурт У. И.¹³⁴, — и у вас непременно возникнет ощущение, что стихи замечательного русского поэта, полные напряженной мысли, с их какой-то щемящей вселенской тоской, со стремлением “постичь загадку бытия” и “глубину души людской”,

¹³¹ Паскаль Б. Мысли. СПб., 1889. С. 47.

¹³² Тарасов Б. Н. Тютчев и Паскаль (Антиномии бытия и сознания в свете христианской антологии) // Русская литература. 2000. № 3. С. 55.

¹³³ Там же. С. 55–56.

¹³⁴ Кляус Е. М., Погребысский И. Б., Франкфурт У. И. Указ. соч. С. 309.

с их религиозной образностью и элементами мистицизма, — стихи эти определенно сродни, по самой сути своей, «Мыслям» Паскаля». Перелистаем Тютчева и мы в нашей антологии.

Обратимся к уже процитированному стихотворению, в котором образ тростника-камыша используется поэтом трижды: в эпиграфе, первой строфе и предпоследней. Первая строфа изображает гармонию природы: певучесть, гармоничность, стройность, и «зыбкий камыш» предстает как часть этого совершенного мира: его мусикийский, т. е. музыкальный, шорох «струится». Далее ему противопоставляется «мыслящий тростник» — человек, который «ропщет», идея, развитая в последней строфе:

И от земли до крайних звезд
Всё безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянной протест?

В этих четырех строках удивительным образом, доступным лишь поэзии, предельно лаконично и вместе с тем глубоко находит свое выражение сама суть паскалевских размышлений о человеке: в них звучит его главный вопрос — «Что такое человек во Вселенной?», в них выражен ужас перед «вечным безмолвием бесконечных пространств». В стихотворении поэт удивительно тонко обыгрывает двойной перевод: камыш соприроден, тростник очеловечен. Возможно, именно благодаря Тютчеву в русской переводческой традиции укрепился образ тростника, а не былинки или камыша, т. к. все переводы появятся позже.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей, —

призывает поэт в стихотворении *Silentium*, где вновь возникает образ безмолвной природы и где, как и у Паскаля, звучит мысль о непостижимости человека.

Столь важный для Паскаля и уже упоминавшийся образ «бездны» — «Кто вдумается в это, тот содрогнется и, представив себе, что материальная оболочка, в которую его заключила природа, удерживается на грани двух бездн — бездны бесконечности и бездны небытия, — исполнится трепета перед подобным чудом, и, сдается мне, любознательность сменится изумлением, и самонадеянному исследованию он предпочтет безмолвное созерцание»¹³⁵ — появляется в стихотворении «Лебедь»:

¹³⁵ Паскаль Б. Мысли. № 84. С. 38.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен. —

и «Как океан объемлет шар земной»:

И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены, —

в которых сквозит то же изумление и тот же трепет, что у Паскаля, то же явное предпочтение «безмолвного созерцания» «самонадеянному исследованию». Можно отметить еще одну удивительную переводческую находку Тютчева, не востребованную переводчиками: «две беспредельности», появляющиеся в стихотворении «Сон на море», как нельзя более точно передают выражение Паскаля-математика “deux infinis”:

Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.

А как по-пасклевски звучат заключительные строки стихотворения «Наш век»:

Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..

Заслуга Тютчева и в том, что именно благодаря ему образ «мыслящего тростника» прочно вошел в русскую поэзию. Так, Игорь Северянин в сонете 1926 г., посвященном Тютчеву, пишет:

Мечта природы, мыслящий тростник,
Влюбленный раб роскошной малярии,
В душе скрывающий миры немые,
Неясный сердцу ближнего, поник.

А Анна Ахматова в шестой книге стихотворений (1923–1940), названной «Тростник», в качестве одного из эпиграфов приводит все ту же строчку Тютчева и завершает первое стихотворение, открывающее сборник и посвященное М. Лозинскому, надеждой на то, чтобы «Тростник оживший зазвучал». Любопытно отметить, что комментаторы в примечаниях даже не упоминают имени Паскаля — тютчевский образ стал самодостаточным.

Но «мыслящий тростник» Паскаля не уходит из русской поэзии: к нему после Тютчева, и в данном случае без связи с ним, возвращается М. Цветаева в своей «Поэме лестницы» (1926), где мыслящий тростник противопоставлен образу современного бездуховного бильярдного кия.

Это ты — тростник-то
Мыслящий? — Биллиардный кий!
Застрахованность от стихий!

Все произведение Цветаевой строится на противопоставлении двух бездн — верха и низа, подвала и чердака, черной лестницы и карты звезд. Не случайно упомянут и сон Иакова: по библейскому преданию, Иакову приснилась во сне лестница, один конец которой упирался в землю, другой — в небо; по ней спускались и поднимались ангелы.

Обращение Цветаевой к Паскалю не является случайным: она очень чтит мыслителя и хорошо знала его произведения, о чем свидетельствует ее переписка. Так, она писала: «Мне интересно все, что было интересно Паскалю и не интересно все, что было ему не интересно»¹³⁶, и еще: «Я люблю на правильность своего инстинкта: недаром я не любила Valery, оказавшегося анти-паскальцем».

Во второй половине XX в. Паскаль — не самый известный и востребованный мыслитель, однако отсылки к нему встречаются и в поэзии этих лет. В 1984 г. Полина Дашкова, автор известных детективов, которая начинала свой творческий путь в поэзии, пишет стихотворение «Произнесемте: мыслящий тростник», эпиграфом к которому являются слова Паскаля, хотя и не совсем точные:

«Человек — самый слабый тростник во вселенной, но тростник мыслящий. Незачем всей природе вооружаться, чтобы погубить его.

Паскаль».

Дашкова обращается непосредственно к самому Паскалю, вступая с ним в доверительный разговор, овеянный мягкой иронией, в котором образ тростника становится лейтмотивом, а само стихотворение превращается в парафраз паскалевской мысли с упоминанием всех основных ее составляющих: Вселенная, слабость тростника, а порыв ветра и капля воды, что как не пустяк? Стихотворение очень информативно: оно не только парафразирует в доступном современному читателю варианте знаменитую мысль Паскаля, но и обозначает страну — Франция, эпоху — XVII в., называя ученого «геометром»

¹³⁶ Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997. С. 507.

по сложившейся в то время традиции, когда под геометрией подразумевалась вся математика.

В 2003 г. Хельга Ольшванг издает книгу «Шесть стихотворений о мыслящем тростнике», где тростник выступает лишь в роли картинки, образа, лишившись своего паскалевского содержания. Образность проявляется, прежде всего, во внешнем виде стихотворений, изображающих тростник — калиграмма, отражающая хрупкость и тонкость человеческого восприятия, не более. Поэтесса обращается и к зрительному и к слуховому восприятию читателя, передавая за счет аллитераций шуршание тростника.

«Камыш» как аналог тростника не встречается в переводах Паскаля, зато эта синонимия сполна обыгрывается И. Губерманом в одном из его знаменитых «гариков».

В 2003 г. Вадим Халтома выпустил книгу «Импровизация на тему: “Французские моралисты”», где он в четверостишиях резюмирует известные афоризмы, стремясь показать их актуальность для сегодняшнего дня.

Что и говорить, «мыслящий тростник» прошел (или продолжает идти?) свой долгий и непростой путь и в русских переводах, и в русской поэзии: от «слабой былинки» до «камыша» и «мыслящей тростинки», от наиболее верного оригиналу и соответствующего мысли Паскаля тютчевского «мыслящего тростника», от его глубокого знания, осмысления и проникновения в мысль философа до образа-штампа, почти утратившего свое философское и религиозное значение и потерявшего связь со своим создателем — Паскалем.

И в заключение хочется пожелать читателю, чтобы он, совместив полезное с приятным, получил от предлагаемой антологии такое же удовольствие, как и составитель на протяжении всего времени работы над ней!

